

49369

1-й экз.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

914

XII
49369, 28

N 10

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Цѣна 10 к., на станц. ж. д.—12 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русский
иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ еженедельникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября 1914 г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставивши себѣ цѣлю—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свежести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной. „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ прогрессивныя начала въ государственной ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ **принципальные споры**, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ **не менѣе двухъ большихъ разсказовъ** и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Бруснынина, Б. Верхоустинаго, З. Н. Гиппусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣль-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галлча, А. С. Изгоева, В. Я. Ирецкаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ печатаются еженедельные **обзоры войны** Георгіевскаго (Г. П.), а также **письма съ войны** собств. корреспонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ уделено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедельно печатается отдѣлъ „Объ искусствахъ и литературѣ“. Вѣсти и мнѣнія, составленный изъ сообщений, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедельно печатаетъ статью Евг. Мауринна о текущихъ театральнхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Эйснера и др., а также многочисленные фототипы и фотографии собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій. Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-му іюня—2 р.

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. Печковской.

ОТРЫВНЫЕ КАЛЕНДАРИ-ЕЖЕДНЕВНИКИ на 1915 г. по 40 коп. за ЭКЗЕМПЛЯРЪ съ пересылкой продаются въ Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., д. 114

ОТКРЫТА на 1915 г.
(10-ый годъ изд.),
ПОДПИСКА
на еженедѣльный иллюстрирован. литературн. журналъ
Гг. подписч. получать.

„Всемирная НОВЬ“

Журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

3750 стол. тек-ста | 2000 иллюстр.

168 ВЫПУСК. ЖУРНАЛ. И ПРИЛОЖ.

52 №№ илл. журнала „Всемирная НОВЬ“: 52 №№ илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“: рассказы выдающ. писат. и масса иллюстрацій СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ и текущей жизни. юмористическіе разсказы, сатиры, шутки и злободневныя КАРРИКАТУРЫ.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

КАРТИНА-ПРЕМИА

12 №№ илл. „ХОЗЯЙКА ДОМА“ моды (300 рис.), хозяйств., медицин. совѣты

ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г. (съ 366 листк.) съ массой свѣдѣній, на папкѣ для подвѣшья.

„СВИДАНІЕ“ — большого размѣра, художеств. воспроизведен. во много красокъ, будетъ **БЕЗПЛАТНО** подписчик., котор. до 1-го мая 1915 г. внесутъ ГОДОВУЮ ПЛАТУ.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ (68) КНИГЪ

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й:

20 книгъ собранія сочинен. **А. Д. АПРАКСИНА** преимуществен. изъ жизни русской аристократ.

12 книгъ романовъ „**ДРАМЫ ЖИЗНИ**“ полныхъ трагизма и захватывающаго интер. (1350 стр.)

12 книгъ иллюстрир. собранія **РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (большаго формата—1000 стран.), лучшихъ соврем. русск. писателей на темы СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ, а также историч. и бытовья.

24 книги журн. „**СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ**“ (въ годъ 1900 стран.—до 500 разск. и разн. статей.)

Подписная ЦѢНА „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“ съ 68-ю КНИГАМИ
За ГОДЪ съ пересыл. по Россіи 7 р. 50 к. | ЗА ПОЛ-ГОДА 3 р. 75 к. | ЗА ТРИ мѣс. 1 р. 90 к.

Необходимо ТОЧНО УКАЗЫВАТЬ при подпискѣ № абонемента.

АБОНЕМЕНТЪ № 2-й:

32 КНИГИ
(20 кн. собран. сочин. АПРАКСИНА и 12 кн. романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“).

АБОНЕМЕНТЪ № 3-й:

36 КНИГЪ
(12 больш. книгъ иллюстрир. собранія РУССКИХЪ РОМАНОВЪ и 24 книги „СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“).

ПОДПИСИ. ЦѢНА „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“ съ КНИГАМИ 2-го или 3-го АБОНЕМ.

За ГОДЪ 5 р. | За 6 мѣс. 2 р. 60 к.

За ТРИ мѣс.—1 р. 35 к.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА высы-ляется БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСКА на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ адресуется въ Акц. Обществ. Издательство А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., д. 114. Отдѣл.: ПЕТРОГРАДЪ, САДОВАЯ, 20 (прот. Гостиняго), и МОСКВА, Петровскія линіи, конг. Н. Н. Печковской.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Петроградъ.

№ 10

17 декабря 1914 г.

Д. ФИЛОСОВЪ.

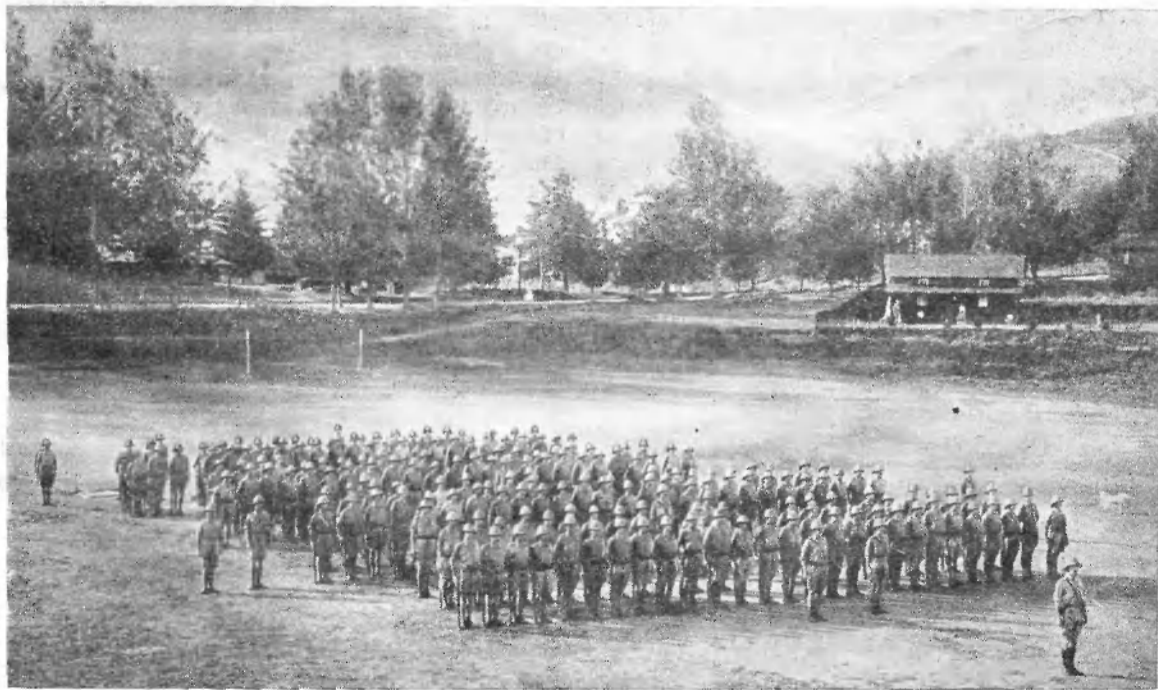
КРИКУНЫ И МОЛЧАЛЬНИКИ.

„Писатель пописываетъ, читатель почитываетъ“... Эта формула, въ свое время, очень удачно выражала состояніе русскаго общества.

Съ вѣшной стороны все обстояло „благополучно“. Никакихъ громкихъ событій. Счастливые народы не знаютъ исторіи, а потому казалось, что если остановить исторію, то „народы“ будутъ счастливы. Писатели вынуждены были подчиняться этой философіи. Въ ихъ распоряженіи оставался знаменитый „эзоповскій“ языкъ. Благодаря ему, хотя и очень замаскированно, нарушалось обывательское счастье. Но постепенно оны теряли свою силу. Читатель превращался въ обывателя и безсознательно сталъ избѣ-

гать безкокойнаго чтенія. Жизнь засосала его, „чеховщина“ побѣдила.

Но никакіе государственные холодильники не могутъ остановить вѣшняго таянія снѣговъ. Наступило весеннее половодіе, наступило время героическое. И впервые Россія услышала слово, сказанное полнымъ голосомъ. Писатель не „пописывалъ“ уже, а писалъ. Слова какъ бы претворялись въ дѣла. Слово приобрѣло совсѣмъ особенную силу. Казалось, что самые отдаленные идеалы, самыя фантастическія мечты вотъ-вотъ превратятся въ реальность. Никто не хотѣлъ видѣть препятствія. О косности матеріи всѣ забыли. Она просто для насъ не существовала. Въ полномъ смыслѣ слова мысль

Отрядъ цейлонскихъ плантаторовъ-добровольцевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

(P)

На помощь британскому госпитальному судну.

приравнивалась бытию. И разъ самое бытіе російское всколыхнулось, не было сомнѣнія, что оно встрѣтится съ мыслью, сольется съ нею, и наступитъ каксе-то преображеніе, земной рай.

Но преображенія не наступило. Мысль не сплалась съ бытіемъ. Девятый валъ схлынулъ, и „писатель“ остался какъ бы на мели. Опять исторія „остановилась“, писатель сталъ пописывать, читатель почитывать. Правда, если не было преображенія, если дѣйствительность не создала новаго прекраснаго дворца, то старую горницу подмели, побѣлили потолки, перебрали протекавшію крышу. Положеніе писателя все-таки стало сносите. Если не очень громко, то хотя бы вполголоса можно было называть вещи своими именами, не прибѣгая постоянно къ фигурамъ умолчанія. Слово заняло свое опредѣленное почтенное мѣсто. Никто уже не думалъ, что оно способно маповенемъ какого-то чудеснаго, сказочнаго жезла превратиться въ бытіе, но всѣ знали его цѣну, чувствовали его хотя бы отдаленную, но совершенно непосредственную связь съ дѣйствительностью будущаго. Трудно было писателю, но не страшно. Онъ зналъ, чего хочетъ, и, вооружившись терпѣніемъ, какъ капля, долбилъ камень. Читатель не только слышалъ его, но и слушалъ. Между писателемъ и читателемъ установились крѣпкія связи, каждый писатель нашелъ свой кругъ читателей. Благодаря создавшимся партійнымъ перегородкамъ, не происходило никакихъ недоразумѣній. За каждымъ именемъ скрывалась опредѣленная программа. Масштабъ событій былъ скромный, не требовалъ серьезнаго пересмотра основныхъ положеній. Рѣчь шла не о стратеги, а о тактикѣ. А потому и самые споры стали мельче, детальнѣе. Люди, принадлежащіе къ одной партіи, часто не соглашались другъ съ другомъ. Придавали своимъ разногласіямъ преувеличенное значеніе. Но въ общемъ всѣ оставались на своихъ позиціяхъ.

Война спутала карты. Совершенно измѣнила взаимоотношенія читателей и писателей.

Конечно одна изъ существенныхъ причинъ перемѣны — новыя условія печати. Но не объ этомъ хочу я говорить, не о цензурѣ внѣшней, а о цензурѣ внутренней.

Прежде всего неожиданность и величіе событій застали врасплохъ не только читателей, — сами писатели растерялись. Заглянули каждый въ свою „программу“, — оказалось, что и она безответна. Не то чтобы въ ней не было никакого отвѣта, но онъ какъ-то не совпадалъ съ тѣмъ, что происходитъ, не давалъ никакого: — ни моральнаго, ни психологическаго — удовлетворенія.

Левъ Толстой, описывая въ „Войнѣ и мирѣ“ Аустерлицкое сраженіе, приводитъ диспозицію, составленную австрійскимъ генераломъ Макомъ. Диспозиція была вовсе не глупа, даже толково составлена. Все въ ней предвидѣлось. Каждая колонна знала, куда ей „марширень“. Наполеонъ опрокинулъ всю диспозицію. Она не выдержала напора практики, несмотря на свою теоретическую обоснованность.

Многіе изъ насъ оказались въ положеніи Мака. Наши диспозиціи и предвидѣнія, если и не превратились въ „ключокъ бумаги“, то все-таки нѣсколько „отсырѣли“, запахла архивомъ.

Надо было что-то „пересмотрѣть“, что-то „перечестъ“, составить другую диспозицію, выработать „точку зрѣнія“. Но тутъ — новыя затрудненія. Событія не давали ни отдыха, на срока. Пока „писатели“ обдумывали, какъ быть, „читатели“ сплюю вещей были вовлечены въ исторію, притомъ въ исторію „всемирную“. Въ этомъ всѣ сходятся. Мы переживаемъ не только войну 1914 года, а становимся участниками событій, которыя черезъ сто лѣтъ не потеряютъ своего значенія. Наши правнуки-гимназисты будутъ старательно зубрить всѣ хронологическія даты всемирной войны.

Участвующему во всемирной исторіи читателю стало не до писателя. Ужъ просто потому, что ему некогда было читать чужія мысли. Онъ весь былъ поглощенъ фактами. Съ одной стороны — фактами общими, общимъ ходомъ событій,

Солдаты-французы дѣлятся пайкомъ съ дѣтьми разоренныхъ нѣмцами деревень.

съ другой—фактами личными: или самъ онъ шель на войну, или провожалъ брата, сына, мужа, отца.

Превратились въ читателей и сами писатели. Но крайней мѣрѣ многие изъ нихъ. И мысль какъ бы замерла. Хорошо это или дурно,—другой вопросъ. Фактъ въ томъ, что повременная печать стала больше рассказывать, нежели думать. Многие изъ писателей замолкли сознательно. И они, по своему, правы. Въ трагическіе дни цѣломудренное молчаніе—уже дѣйствіе.

Другіе же, напротивъ, страстно начали говорить. Безъ удержа, въ какой-то истерикѣ.

И получилось нѣчто очень странное. Открылась какая-то бездна между читателемъ и писателемъ, полное несоотвѣтствіе между трагическимъ богатствомъ жизни и ея отраженіемъ въ словѣ.

Это видно по многочисленнымъ письмамъ читателей. Въ то время какъ читатель обогатѣлъ темами, вопросами, забылъ всякую обывательщину и зажилъ серьезной, суровой жизнью, писатель обѣднѣлъ. Главныя темы какъ-то выпали изъ его рукъ. И опять-таки дѣло не только въ цензурѣ виѣшней. Главная „цензура“—сама война. Когда „отечество въ опасности“, когда весь народъ съ безконечной напряженностью ведетъ свою великую борьбу и будущность страны зависитъ отъ ея исхода,—молчаніе о нѣкоторыхъ темахъ, добросовѣстное взвѣшиваніе всякаго слова устанавливается само собою.

Къ сожалѣнію неорганизованность нашей печати, внезапность нагрянувшихъ событій не создали предварительнаго сознательнаго соглашенія въ этой области. Не была выработана „золотая середина“, отчего и получились два одинаково вредныхъ уклона: въ сторону молчанія и въ сторону крика. Многие заговорили преждевременно, не одумавшись, и очутились въ самомъ фальшивомъ положеніи. Чѣмъ грознѣе развертываются событія, тѣмъ болѣе жалокъ ихъ крикъ, который никогда не перекричитъ грома истории. И

крикъ сталъ не слышенъ. Набилъ оскомину. Большого горя тутъ не было бы, если бы рѣчь шла о словесности, литературѣ. Но за словесностью идетъ бурная, серьезная жизнь. На нее крикуны оказываютъ самое вредное вліяніе. Долгой, упорной работы предстоитъ много. Вся Россія чувствуетъ, что начатое дѣло надо довести до конца. А если такъ, то истерическіе выкрики, бумажное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ прямо вредно. Они мѣшаютъ сосредоточенно слѣдъ. Нельзя все время играть на „настроеніи“. Настроеніе—потому и настроеніе, что оно подвержено колебаніямъ. Сегодня оно нарастаетъ, завтра спадаетъ, смѣняется противоположнымъ. Нельзя все время быть въ азартѣ. Непремѣнно устанешь.

На сцену должны выдти „молчальники“. Со скупостью словъ, вольной и невольной, должны приняться они за работу, восстановить порвавшуюся было связь между писателемъ и читателемъ, заняться „организацией тыла“. При масштабѣ нынѣшней войны—вся Россія не что иное, какъ громадный „тылъ“, какъ мастерская, гдѣ не мѣсто „настроеніемъ“, гдѣ должна идти упорная, сосредоточенная работа.

Мы всѣ были свидѣтелями высокаго подъема, вызваннаго войной. Долгъ печати—бережно обращаться съ нимъ, указать пути приложенія силъ, считаясь съ великой потребностью каждаго гражданина земли русской не оставаться равнодушнымъ зрителемъ происходящаго.

Но развѣ „крикуны“ способствуютъ этому? Помогаютъ читателю? Развѣ они успокаиваютъ безъ того уже истерянные нервы читателя? Не помогаютъ и „молчальники“. Себѣ они помогли. Оградилъ себя отъ трудной задачи свѣденія концовъ съ козцами, отъ соединенія „программы“ съ самыми что ни на есть „сверхъ-программными“ событіями. Но надо подумать и о другихъ.

Несмотря на всевозможныя нреюны, писатель долженъ мужественно говорить. Пускай съ умолчаніями. Тихій голосъ теперь нужнѣе, а главное, слышнѣе крика.

Д. Философовъ.

== Федоръ СОЛОГУБЪ. ==

ТРИ ЛАМПАДЫ.

Съ тѣхъ поръ, какъ полковникъ Косуровъ уѣхалъ на войну, въ квартирѣ Косуровыхъ теплились каждый день лампы. Теплились онѣ съ утра, а къ вечеру опять подливалось масло, такъ чтобы всю ночь лампы не гасли.

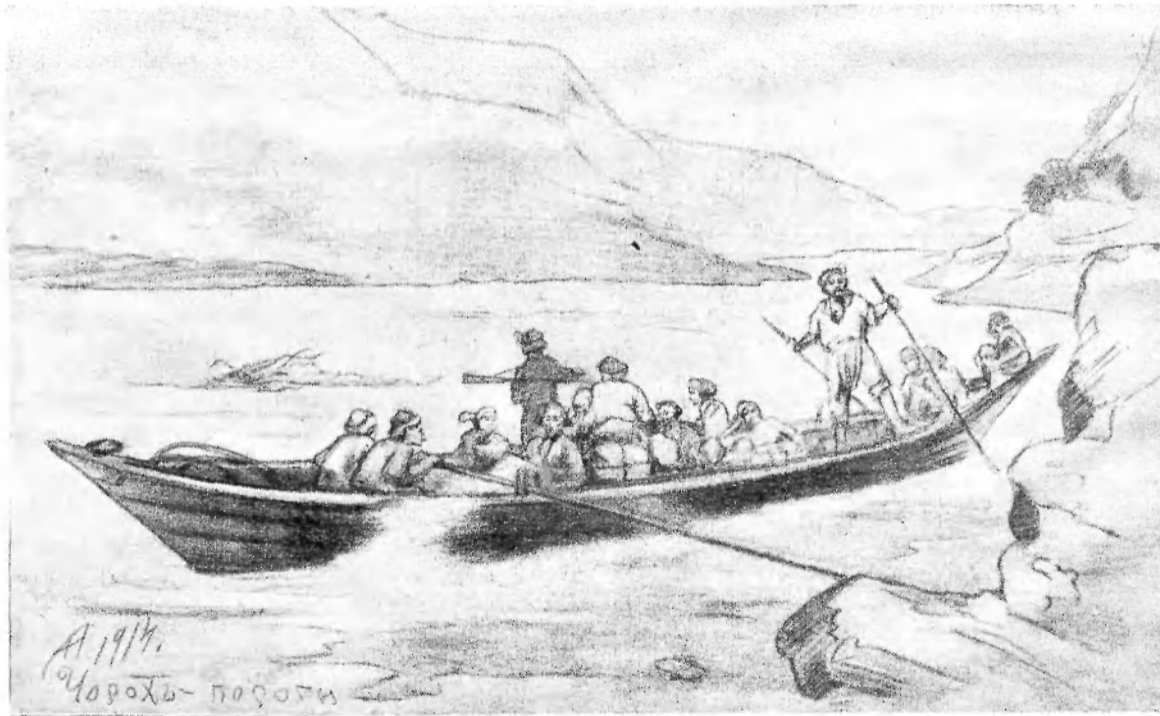
Первая лампа теплилась въ спальнѣ вдовы-генеральши, Анны Павловны Косуровой, предъ темнымъ лицомъ Никола Угодника. У генеральши на войнѣ былъ сынъ; онъ былъ еще молодъ, но дѣлать хорошую карьеру, довольно рано получилъ полкъ, а теперь на войнѣ нерѣдко бывалъ въ опасныхъ сраженіяхъ, и скоро долженъ былъ получить генеральскій чинъ и бригаду.

Генеральша вставала рано, долго и старательно выполняла всѣ домашніе обряды, и послѣ завтрака выѣзжала, сначала въ лазаретъ, потомъ въ попечительство, потомъ къ кому нибудь изъ знакомыхъ, чтобы не поглядывать давно налаженныхъ, хорошихъ

связей и отношеній. Что бы она ни дѣлала, она всегда думала о сынѣ, о томъ, что онъ въ опасности, что его могутъ убить. И потому на ея красивомъ и умномъ лицѣ еще не старой женщины лежала печаль особой значительности, которая заставляла всѣхъ ея знакомыхъ обращаться съ нею еще почтительнѣе, чѣмъ всегда.

Двойное чувство горѣло въ ней: скорбный страхъ за нѣжно любимого сына и великая гордость матери, сынъ которой совершаетъ подвиги. Если бы ей пришлось надѣть трауръ, ея горе было бы неутѣшно, но оно достойно и прекрасно наполнило бы остатокъ ея дней. У нея въ жизни было достаточно счастья и въ мѣру горя. Вся ея жизнь, въ мѣру трудная и въ мѣру радостная, научила ее мудрому и величавому спокойствію.

Въ первый же день, проводивъ на вокзалъ сына, она призвала горничную Дашу,

На поворотѣ горной рѣки. Рисунокъ А. П. Эйсснера.

Раненые за игрой въ шашки.

и дала ей обстоятельныя наставленія, когда и какъ теплить лампаду, и какъ слѣдить за тѣмъ, чтобы огонь свѣтился не слишкомъ ярко, ни слишкомъ слабо, и чтобы онъ никогда не погасалъ.

— Понимаешь. Даша, — негасимая лампада.

Горничная Даша, пожилая степенная дѣвица, сильная, какъ деревенская баба, и вышколенная долготѣнею службою въ генеральскомъ домѣ, выслушала и запомнила твердо все, что генеральша ей говорила. Она знала, что генеральшу нельзя не слушаться, и что она не любитъ повторять одно и то же дважды. И она заботилась о генеральшиной лампадѣ добросовѣстно, и каждый разъ, подливъ въ нее масло, клала предъ темнымъ ликомъ строгаго Угодника три земные поклона, каждый разъ съ чувствомъ своего недостоинства вспоминая свое бурное прошлое.

Генеральша молилась предъ своею лампадою съ тихою и смиренною надеждою, — Милостивый Богъ, быть можетъ, до конца будетъ милостивъ къ ней и вернетъ ей сына.

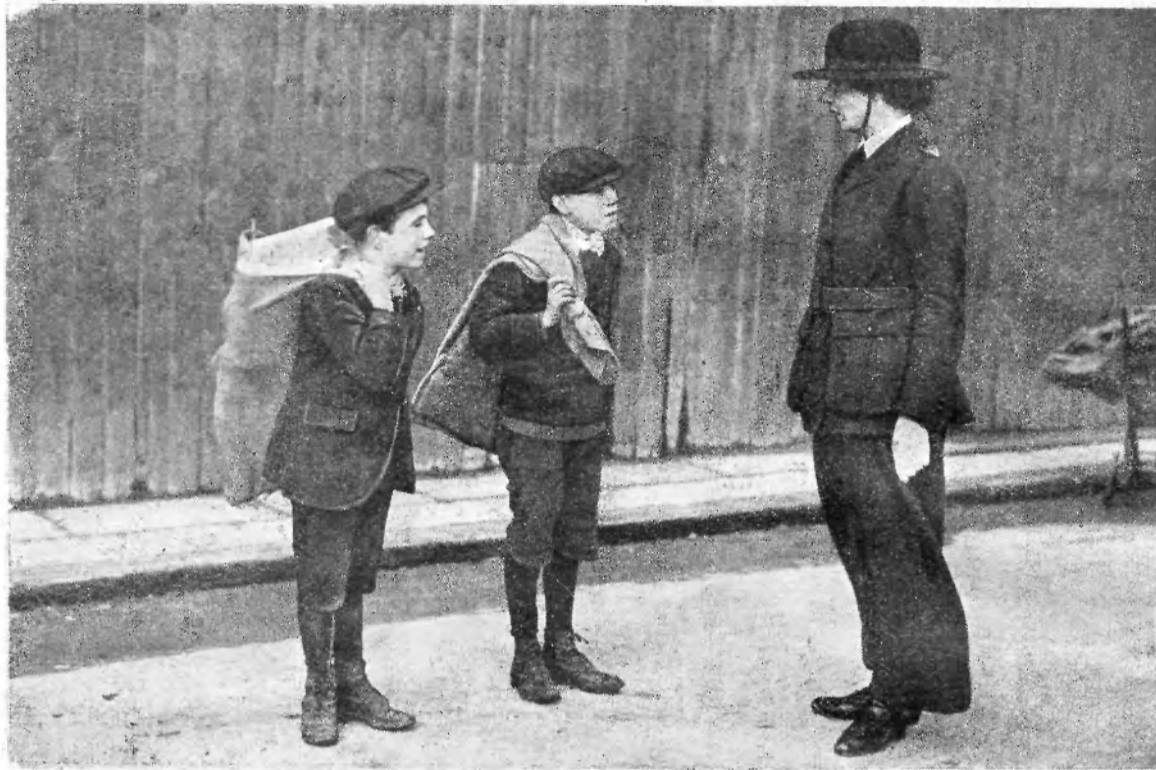
Жена полковника Косоурова, Евгения Алексѣевна, теплила вторую лампаду, предъ

образомъ Спасителя, серебряная риза котораго блистала надъ двумя кроватями, ея и мужа, на стѣнѣ посредишь. День Евгения Алексѣевна проводила вѣдше такъ же, какъ и ея свекровь, но вся душа ея была возмущена страхомъ и тоскою. По ночамъ она долго не могла заснуть, плакала и молилась. Днемъ она старалась прилѣпиться къ кому нибудь, чаще всего къ старой генеральшѣ, чтобы хоть немного заглушить свою тоску, отогнать свой страхъ. Но стоило ей остаться одной, чтобы слезы неудержимо лились изъ ея глазъ. Только бесѣды съ дочерью Валентиною утѣшали ее, и послѣ нихъ было на время легко и сладостно.

За этою лампадою ходила тоже Даша. Но Евгения Алексѣевна не довѣряла ей, постоянно ходила смотрѣть, не убываетъ ли масло, и часто звала Дашу поправлять огонь.

— Даша, — говорила она, — никакъ ты забыла сегодня о моей лампадкѣ? Мамочкину хорошио заправляешь, а мою какъ нибудь.

— Простите, барыня, — степенно говорила Даша, — я вашу лампадку никогда не забывала, и она въ полной исправности. А если вы безпокоптесь, то я сейчасъ прибавлю масла, — мнѣ не въ трудъ.

Женская полиция въ Лондонѣ.

Шла за масломъ и сердито ворчала про себя:

— Нагрѣшишь только съ вами.

Валентинина лампада ясно и ровно горѣла предъ иконою Божіей Матери Скоропослушницы. Валентина зажигала ее сама, и даже сама, на свои деньги, покупала для нея масло. Дашѣ не нравилась такая самостоятельность барышни. Даша каждый день поглядывала на валентинину лампадку съ тайною надеждою увидѣть, что барышня забыла подумать о маслѣ или о фитилѣ. Но ясно и ровно горѣлъ огонь предъ кроткимъ ликомъ Скоропослушницы, и Даша думала завистливо, что ей такъ не заправить лампадокъ, какъ заправляетъ барышня. Это оттого, — думала Даша, — что она — грѣшница, а барышня Валя чиста предъ Богомъ, какъ дитя малое. Но если Даша замѣчала, что масла въ бутылкѣ остается ужъ очень мало, она говорила Валѣ:

— Забыла про масло, молитвенница. Дала бы мнѣ покупать масло, исправнѣе было бы.

Валя краснѣла и говорила.

— Спасибо, Даша, что напомнила.

И вынимала изъ кошелечка монеты на масло.

У Валентины въ арміи было двое, отецъ и женихъ, но Валентина не боялась ни за одного, ни за другого.

Валентина была веселая и здоровая дѣвушка. Ей мила была дружба стихій, она любила обжигающіе пощелки небеснаго Змія-Солнца, и буйное вѣяніе морского вѣтра, и объятія ледяной холодной воды, и суровыя ощущенія земныхъ глинъ и песковъ подъ ногами. Она любила свое тѣло въ движеніи, въ работѣ, въ милыхъ ощущеніяхъ дружескихъ стихій, и любила свою мысль, вѣчно дѣятельную и что нибудь придумывающую. И очень любила молиться. Скоропослушница, юная и прекрасная, увѣнчанная жемчужною короною, смотрѣли на нее благостно, и Младенецъ на ея рукахъ сидѣлъ прямой и спокойный, Господь бодрыхъ и неунывающихъ.

Валентина знала, что все будетъ къ лучшему, кадобно только предаться волю Господней. Въ ней была увѣренность, что и отецъ, и женихъ вернутся къ ней, но она не смѣла предаваться этой увѣренности, потому что будущее въ рукахъ Господнихъ, и Богъ не хочетъ, чтобы люди думали о будущемъ и знали. Эту увѣренность въ благополучномъ возвращеніи милыхъ Ва-

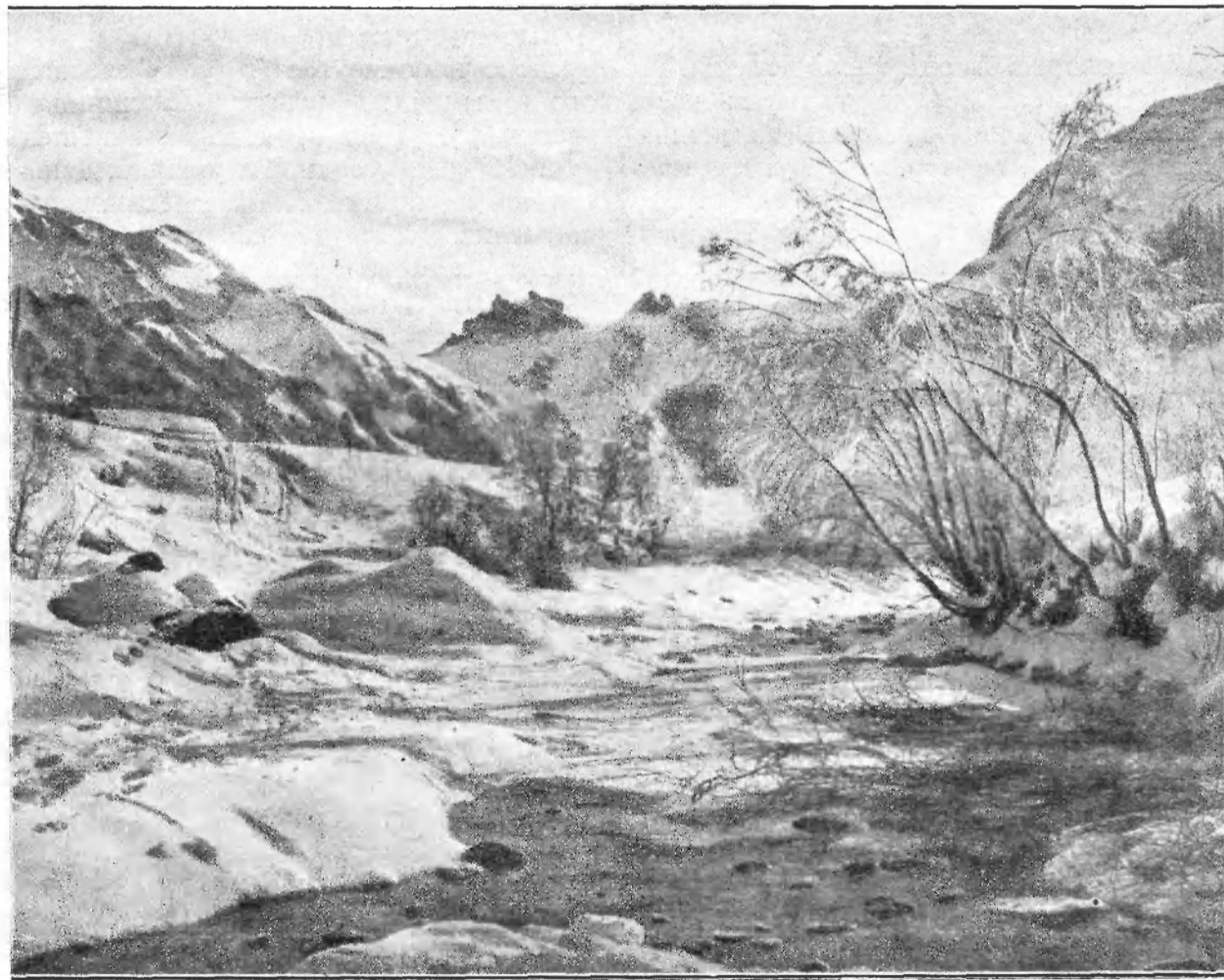
лентина таила огъ самой себя въ глубинѣ души, но отъ этой увѣренности ей было всегда спокойно и радостно. И еще она знала, что надобно имѣть непрерывное молитвенное общеніе съ Богомъ, — надобно, чтобы душа всегда открыта была предъ Господомъ, и тогда молитва ея будетъ хранить ея милыхъ такъ, что если Господь и пошлетъ ангела брани по ихъ души, то все же смерть ихъ будетъ легка и непостыдна, и легка-легка будетъ ея скорбь. И она плакала, молясь, но въ слезахъ ея была радость.

Она одна изъ трехъ была всегда ясна, терпѣлива, и всегда поддерживала домашній порядокъ, и заботилась о матери и о бабушкѣ. Ея ясное спокойствіе всегда успокаивали и утѣшали и ту, и другую, и когда матери или бабушкѣ было очень грустно, онѣ звали къ себѣ Валю, или при-

ходили посидѣть съ нею, посмотрѣть на ясный и ровный молитвенный огонь лампы предъ благостными взорами Скоропослушницы.

Вечеромъ, помолившись со слезами предъ своими лампадами, мать и бабушка ложились спать. Бабушка засыпала скоро, мать долго плакала, Валя приходила утѣшать ее. Иногда мать и въ самомъ дѣлѣ утѣщалась и засыпала, иногда притворялась, что засыпаетъ, и отсылала Валентину спать. Валентина шла къ себѣ, раздѣвалась и становилась на колѣна предъ Скоропослушницею, — молиться.

Наступалъ лучшій, блаженный часъ ея жизни. Не отрывая тихо-мерцающаго взора отъ нѣжнаго лица вѣчно-юной Скоропослушницы, она шептала слова съ дѣтства знакомыхъ и всегда волнующихъ молитвъ. Ея бѣлая сорочка казалась торжественнымъ

Въ морозный день.

одѣяніемъ, эмблемою горней чистоты. Ея обнаженныя ноги смиренно лежали на свѣтло-синемъ коврикѣ, какъ ноги молящагося на небесахъ свѣтлаго существа. Она поднимала руки къ благодному лику, и всѣмъ тѣломъ тянулась къ нему, и улыбалась, и плакала.

Вдругъ вспоминала она:

«Мамѣ спится ли? Пожалуй опять плачетъ».

Она вставала съ колѣнъ, и тихо шла къ матерн. Почти всегда Валентина заставляла мать плачущею горько. Валентина садилась къ ней на постель, и говорила ей утѣшныя слова. И унимались слезы, и утихала скорбь. Говорила мать:

— Валечка, иди, спи! Что ты босикомъ ходишь по холодному полу! Еще простудишься.

— Приучена, мамочка,—отвѣчала Валя.

Мать улыбалась.

— Ты у меня сильная и крѣпкая, Валечка,—говорила она.— Безъ тебя мы съ мамочкой совсѣмъ бы отъ слезъ истаяли. Ты и молишься за насъ, ты и утѣшаешь насъ.

— Спи, мама, спи,—говорила Валентина.

Дожидалась Валя, что мама заснетъ, крестила ее неторопливымъ движеніемъ стройной руки, и шла опять къ себѣ. И опять молилась и поднимала руки, и всѣмъ тѣломъ тянулась къ пресвѣтлому лику, предаваясь на волю Господню.

Иногда засыпала тутъ же, свернувшись свѣтлымъ комочкомъ подъ образомъ.

Горничная Даша спала чутко. Комната Вали была рядомъ съ людскою. Всегда около двухъ часовъ ночи Даша просыпалась и шла взглянуть, спитъ ли барышня. Если Валя стояла еще на колѣнахъ, Даша подходила къ ней, молча брала ее за руку, и вела къ постели. Валентина не спорила, знала, что Даша непременно уложитъ ее. Иногда думала:

«Уйдетъ Даша, уснетъ, еще помолюсь».

Но едва голова ея касалась подушки, какъ Валентина засыпала безмятежно-спокойнымъ сномъ.

Если Валя лежала бѣлымъ комочкомъ подъ образомъ, Даша пыталась поднять ее. Иногда Валя просыпалась и шла спать. Иногда же, усталая за день, Валя продолжала спать. Тогда Даша сердито трясла Валу за плечо, а иногда, если это не помогало, то она сильною рабочею рукою звонко шлепала Валентину по крѣпкому тѣлу. Валентина, не открывая глазъ, поднималась и шла къ постели.

Ясно и ровно горѣлъ надъ ея постелью огонь лампы, и Скоропослушница благостно улыбалась и ясно-засыпающей дѣвущкѣ, и ея усердной служанкѣ. Даша крестилась на образъ, клала предъ нимъ земной поклонъ, и уходила къ себѣ.

Три лампы теплились передъ тремя иконами, и три ангела-хранителя бодрствовали надъ тремя изголовьями, навѣвая на спящихъ утѣшающіе сны.

Федоръ Сологубъ.

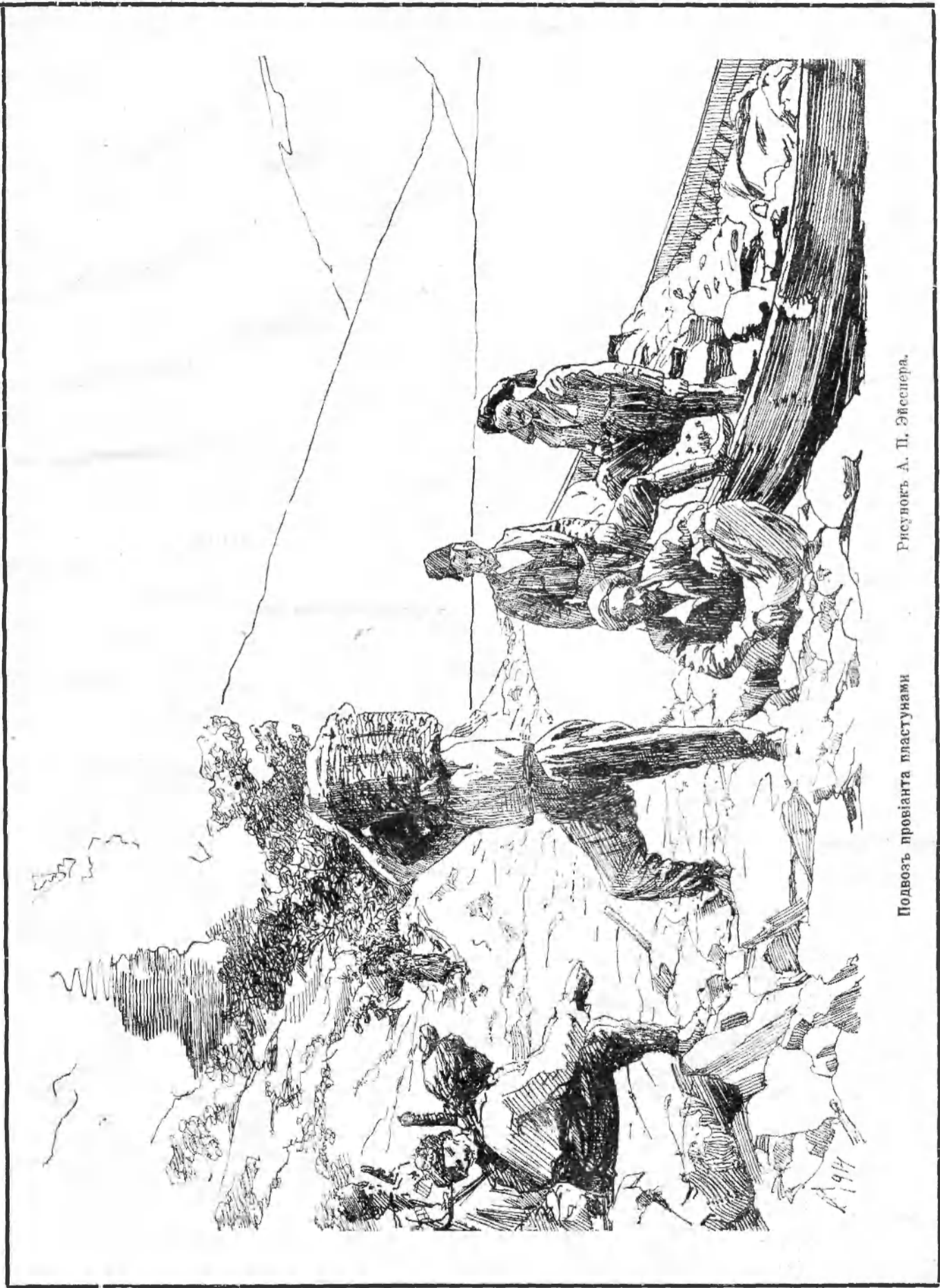
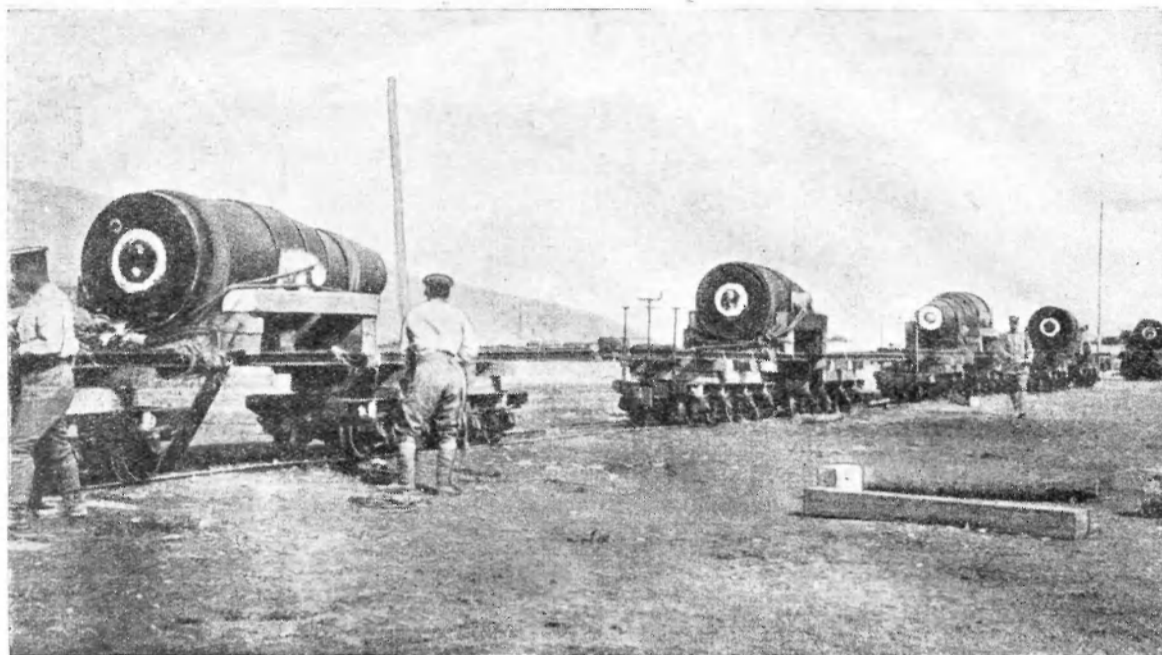

Рисунок А. П. Эйслера.

Подвозъ провіанта пластунами

артиллерія.

СЪ ЗАПАДНОГО ФРОНТА. ПИСЬМА.

I.

Дорогой N...

Вы просите писать о Франции «грознаго» года, о ея жизни и переживаніяхъ, о новыхъ настроеніяхъ. Но вы развѣ не знаете, что сейчасъ Франция, часть которой занята нѣмцами, не «живетъ», а сражается съ врагомъ за свое существованіе, за свою независимость и свободу. Вы развѣ не знаете, что все, способное носить оружіе, мужское населеніе Франции сейчасъ находится подъ ружьемъ и что мы—одна *вооруженная* бьющаяся на смерть съ врагомъ *нація*.

Я сейчасъ въ штабѣ ...й арміи, успѣлъ уже побывать въ Эльзасѣ, гдѣ былъ легко раненъ въ ногу, отдохнулъ недѣльки три и вернулся на войну, гдѣ и состою при штабѣ... и гдѣ получилъ съ такимъ опозданіемъ ваше письмо.

Это длинное предисловіе облегчитъ мою задачу. Вы изъ него узнаете, что и гдѣ я, и поймете, что я могу писать—въ рѣдкія свободныя минуты—только о войнѣ, только о военныхъ переживаніяхъ и настроеніяхъ.

Не ищите послѣдовательности въ моихъ писаніяхъ. Мнѣ вѣроятно не разъ придется прерывать письма, прежде чѣмъ ихъ кончатъ и отправлять. Ну, а если вы получите письмо неоконченнымъ, то вы поймете, что я тяжело раненъ или убитъ: я при письмѣ всегда кладу на всякій случай заранѣе написанный на конвертѣ адресъ.

Сегодня моя очередь для отдыха послѣ 6-ти дней

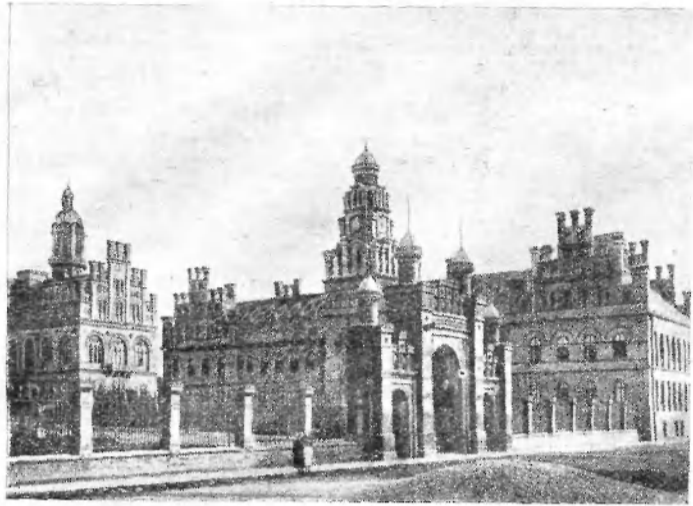
безпрерывной работы (телефонъ, составленіе и получение рапортовъ, объѣздъ позицій и ближайшихъ траншей).

Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовался вашему письму, несмотря на его страшное опозданіе. Мнѣ было приятно, читая его, отвлечься немного отъ захватившей насъ всѣхъ цѣликомъ этой страшной дантовской обстановки. На меня повѣяло чѣмъ-то другимъ, давно забытымъ,—я чуть было не сказалъ: чуждымъ, чужимъ,—мирнымъ, культурнымъ, повѣяло, словомъ, той нормальною обстановкой, среди которой мы встрѣтились въ послѣдній разъ въ концѣ мѣсяцѣ.

И я вспомнилъ нашъ споръ.

Вы говорили, что надвигающаяся война (военные законы въ Германіи и вызванный ими возвратъ у насъ къ трехлѣтней военной службѣ) будетъ тѣмъ ужаснѣй, что мы, французы,—уже не «милитарная» нація, что мы не устоимъ предъ нѣмцами, все время готовившимися къ войнѣ и духовно, и технически, и численно, и вооруженіями. Помню также преувеличенныя ваши опасенія насчетъ заѣвшей насъ партійности, благодаря которой «сплоченный нѣмецъ» застигнетъ насъ врасплохъ.

Помните мои возраженія, которыя сводились къ одному: «Вы не знаете французовъ—они поднимутся, какъ одинъ человекъ, на защиту своихъ очаговъ, если послѣднимъ будетъ дѣйствительно грозить опасность?»

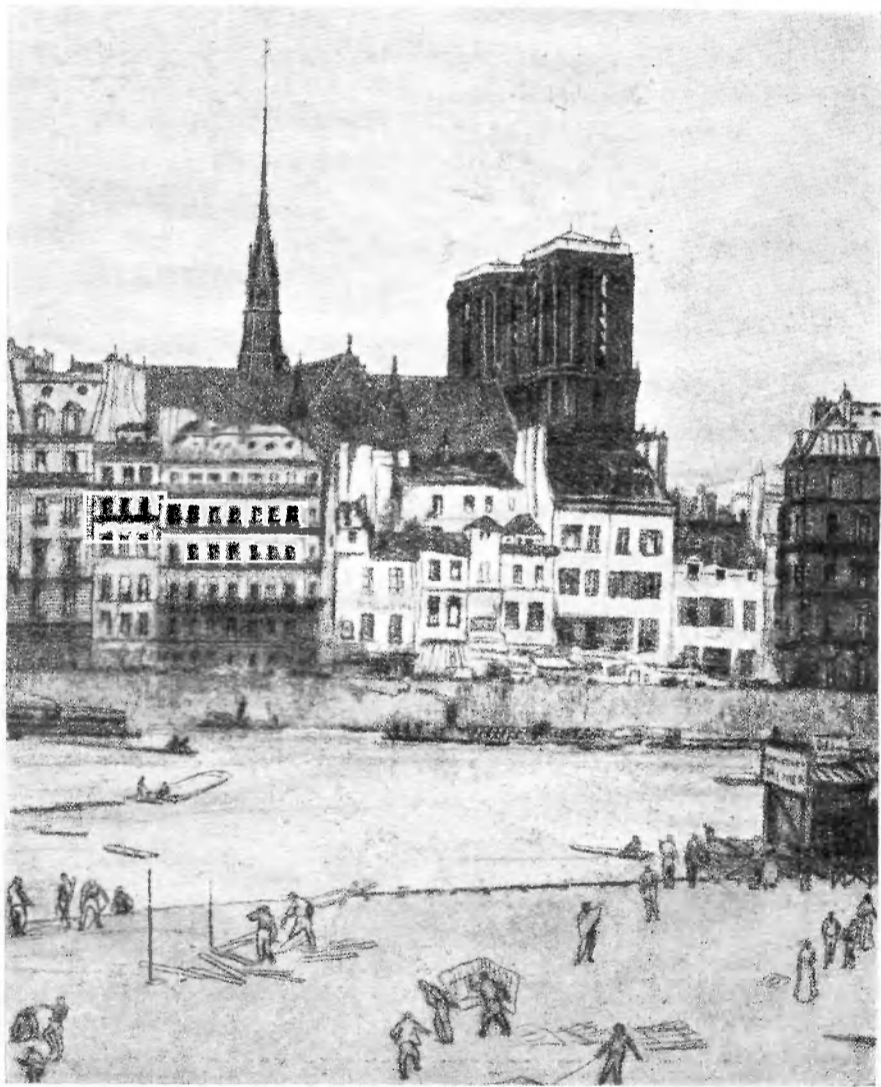
Черновицы. Резиденция митрополита и памятник «присоединения Буковины».

Я вам возражалъ, а—должны теперь сознаться—когда вы отвѣтили, что «будетъ поздно—нѣмцы нагрянутъ раньше», меня точно кольнуло что-то: «а что если въ самомъ дѣлѣ будетъ поздно!». Да и въ Эрве, и въ непримиримыхъ социалистахъ, признаться, я также не былъ вполне увѣренъ. Но вотъ, слава Богу, все обошлось какъ нельзя лучше: хотя мы оба оказались правы—вы тѣмъ что «нѣмцы нагрянули раньше», я тѣмъ, что французы дѣйствительно поднялись, какъ одинъ человекъ, но обошлось лучше—ни по-вашему, ни по-моему,—а потому, что на землѣ благородство, классическая доблесть и героизмъ не перевелись, и эти качества проявилъ цѣлый народъ. Благодаря Бельгии, пожертвовавшей собою, мы могли собраться съ силами, англичане успѣли начать подвозъ своего войска, и въ результатѣ—приостановка нашествія врага и возможное скорое его изгнание.

То, что сдѣлала для насъ—да и для союзниковъ, но особенно для насъ—Бельгия, сознается нами всѣми и конечно никогда не забудется.

Но я увлекся въ сторону воспоминаній, что васъ конечно менѣе всего можетъ интересовать.

Объ ужасахъ войны доведется еще, если буду живъ, писать въ слѣдующихъ моихъ письмахъ. А сейчасъ и для начала я именно хотѣлъ бы, чтобы вы поняли, чтобы вы всѣ тамъ, въ Россіи, поняли, что мы сейчасъ—французы, и только французы, что у насъ у всѣхъ одно только убѣжденіе, одно только сознание, одно только стремленіе, одна воля—побѣдить врага, изгнать его,

Созоръ Парижской Богматери.

обезвредить навсегда или умереть и показать, что мы — достойные братья бельгийцевъ.

Вы же знаете изъ газетъ, что стало съ нашими социалистами, какъ Гэдъ, и антимилитаристами, какъ Густавъ Эрве. Они всѣ оказались прежде всего добрыми французами и людьми съ головой и сердцемъ.

То же единеніе вы найдете во всей арміи, на позиціяхъ, въ траншеяхъ.

Хотите примѣры, иллюстраціи этому единству французовъ, представляющихъ собою одну семью, и ничего больше?

Вотъ хотя бы слѣдующіи.

Солдатъ изъ моей части съ опасностью для жизни бросается къ своему раненому ротному и подъ градомъ пуль взваливаетъ его себѣ на плечи и выноситъ такимъ образомъ изъ огня, насвистывая не столько для себя, сколько для раненаго привычную пѣсенку... Вдругъ онъ сконфуженный перестаетъ свистѣть, останавливается и, поднявъ голову къ раненому, говоритъ:

— Ваше-скорodie (mon lieutenant!), извините — глупая привычка.

Офицеръ понялъ, дружески хлопнулъ его по рукѣ и сказалъ:

— T'es brave, mon ami! (Ты—славный малый, другъ мой!)

Дѣло въ томъ, что пѣсенка, которую по привычкѣ насвистывалъ солдатъ, бывшій антимилитаристъ (до войны), была «Интернаціоналка», въ которой о буржуа и офицерахъ не особенно нѣжно говорится.

А вообще же о духѣ въ войскѣ вы можете судить по слѣдующему случаю, рассказанному намъ вчера нашимъ генераломъ. Онъ посѣтилъ третьяго дня амбулаторію 17-го корпуса. Главный военный врачъ подводитъ его къ постели тяжелораненаго, у котораго ампутированы обѣ ноги, и неожиданно для генерала и для сопровождавшихъ его нѣсколькихъ нашихъ штабныхъ поднимаетъ одѣяло.

Наступило торжественное молчаніе. Генералъ снимаетъ кэпи и взволнованный видимо собирается что-то сказать. Минута необыкновеннаго напряженія. Но вдругъ раненый дѣлаетъ усиліе, приподнимается, облакачивается на лѣвую руку и, приставивъ правую по-военному ко лбу, говоритъ:

— Ваше превосходительство (mon général), не правда ли, я еще гождусь въ... авиашю?

Генералъ могъ только въ отвѣтъ крѣпко пожать руку герою и удалиться, чтобы не показать ему намернувшихся слезъ. Такъ сражаются французы!

А обѣ ужасахъ въ слѣдующи разѣ!..

Ж. Бономъ.

Силай на дозорѣ.

ПРОСУЛЕННАЯ.

Какъ просватали
За пелюбаго,
Заплела млада
Русу косыньку
Не по-дѣвичьи,
А по-женину.
Вышла крадучись
Въ поле чистое,
Да и молвила
Полю чистому:
— Ой, вы, пѣтики,
Государики!
На моемъ роду
Не указано
Собирать цвѣты
Въ голубой вѣнокъ,
Класть на горькую
На головушку.
Попрошала
Возрыдаючи
Съ тою горкою
Со пригорками,

Гдѣ положено
Въ воли дѣвичьей,
Гдѣ поѣжено
Крѣпкой зимушкой
На березовыхъ
Бѣлыхъ саночкахъ.
— Ты-ль, укатъ-гора!
Ты-ль, родимая!
Не катать тебѣ
Быстрыхъ саночекъ,
Прямокомъ въ сугробъ
Не откидывать.
Ты прости-прощай,
Смѣхъ дѣвическій,
Не звенѣть тебѣ,
Не заманивать
Со укатъ-горы
Во лежень-сугробъ
Добрыхъ молодежь
Къ красной дѣвицѣ.
Повалилася
Просуленная,

Во сыру землю
Постучалася.
— Ой, ты, мати-мати.
Родна матушка,
Защити меня
Отъ нелюбаго,
Отъ спесиваго
Чужениныча.
Да сыра земля
Не раскрылася,
Лишь восплакались
Вѣтры буйные:
— Безталанная
Ты головушка!
То-ль не вѣдомс,
То-ль не знаемо,
Что полнымъ полца
Горя лютаго
Грудь широкая
Мати-матушки.

Б. Верхоустинский.

Евг. МАУРИНЪ.

ОЧАГЪ.

Нашъ тихій уголокъ былъ такъ далекъ отъ театра военныхъ дѣйствій, что для насъ съ женой, главнымъ образомъ для Берты, ужасы войны какъ-то теряли свою реальность. Вѣрнѣе сказать, мы не постигали въ полной мѣрѣ самаго слова «война»: человѣку, оставшемуся въ теплѣ и довольствѣ у родимаго очага, многое представляется совсѣмъ иначе.

Однажды вечеромъ, когда Берта особенно долго и горячо говорила о величїи подвига и красотѣ самопожертвования, я сказалъ ей:

— Ты говоришь такъ потому, что тебя лично война ничѣмъ не коснулась. Ну, а если бы на примѣръ я подлежалъ призыву...

— Ты обижаетъ меня, Фредъ!—вспыхнувъ крикнула жена.—Я страдаю отъ мысли, что ничѣмъ не могу послужить своей родинѣ. Нѣтъ выше и прекраснѣе чувства, чѣмъ то, съ которымъ отдаешь отечеству самое дорогое и любимое. И если бы тебѣ пришлось идти на войну, я была бы только счастлива.

Я стоялъ у карты и отмѣчалъ флажками передвиженія войскъ согласно послѣднимъ извѣстїямъ, когда въ комнату вбѣжала Берта.

— Фредъ!—взволнованно крикнула она.—Я только что отъ Лерговъ... Бригадиръ получилъ телеграмму: вчера вечеромъ бомбой съ аэроплана взорвана станція Бюсъ. Онъ говоритъ, что могутъ залетѣть и сюда...

Я невольно улыбнулся и сказалъ:

— Берта, милочка, бригадиръ просто подшутилъ надъ тобой! Ну, какъ тебѣ не стыдно вѣрить всякимъ пустякамъ! Подумай сама...

— Конечно, конечно!—раздраженно пере-

била меня жена.—Ты всегда все знаешь лучше всѣхъ. Специалистъ во всѣхъ вопросахъ. Всѣ—дураки, только ты одинъ—умный...

Я обнялъ Берту и, не обращая вниманія на ея сопротивленіе, подвелъ ее ближе къ стѣнѣ.

— Ну, такъ посмотри сама!—сказалъ я, показывая на карту.—Вотъ здѣсь тянется фронтъ нашихъ войскъ, а Бюсъ и нашъ городъ—вотъ здѣсь. Какимъ чудомъ враги могутъ оказаться въ нашихъ краяхъ? Правда, мы очень близки къ побережью, но оно совершенно неприступно благодаря мелямъ, рифамъ и зыбучимъ пескамъ. А главное—ни въ Бюсѣ, ни у насъ нѣтъ ни войскъ, ни орудійныхъ парковъ, ни провіантскихъ магазиновъ. Какой смыслъ предпринимать рискованныя воздушныя путешествія для разрушенія городовъ, не имѣющихъ никакого стратегическаго значенія?

— Лергъ говорилъ что-то о...—Берта загнулась на трудномъ словѣ,—о коммуникаціонныхъ путяхъ...—Она еще разъ посмотрѣла на карту и не совсѣмъ увѣренно прибавила:—но только онъ не шутилъ, ужъ нѣтъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ перепугано названье города или въ районѣ военныхъ дѣйствій имѣется еще какойнибудь другой Бюсъ—рѣшилъ я.—Во всякомъ случаѣ не тревожься попустому, голубка, ручаюсь тебѣ, что намъ ничего грозить не можетъ!

... А вечеромъ газетчики звонко выкрикивали:

«Послѣднія извѣстїя! Бомбардировка Бюса! Станція разрушена, путь поврежденъ на значительномъ разстояніи!».

Сборъ въ Баку. Жертвованіе овчинъ на полушубки и сборъ по городу.

Да, бригадиръ Лергъ оказался правъ: Бюсъ, находившійся въ какой-нибудь сотнѣ километровъ отъ насъ, былъ разрушенъ! И извѣстия съ нашего фронта осмысливали это разрушеніе, какъ звено въ тѣсной цѣпи событій.

Прочитавъ газету, жена снова убѣждала мѣ Лергамъ. Я былъ радъ побыть наединѣ. Приподнятость настроенія Берты, пафосъ ея пламенныхъ рѣчей угнетали меня. Мнѣ казалось, что на насъ надвигается что-то до такой степени страшное, чудовищное, предъ чѣмъ должны смолкнуть всякіе выкрики.

Выйдя на террасу, я свѣсилъ черезъ перила. Внизу, на станціи, кипѣла обычная суетливая жизнь. Поезда, отходя и прибывающія, рыдали протяжными гудками сирень, на запасныхъ путяхъ паровозы перекликались съ задорными свистками составителей, изъ темнаго овала тоннельнаго жерла показался ослѣпительно яркій глазъ локомотива.

Вотъ такъ же было вчера и на станціи Бюсъ. Но подъ вечеръ прилетѣлъ легкій развѣдочный аэропланъ, покрутился надъ путями и улетѣлъ прочь, а къ ночи явился второй, блиндированный. Этотъ спустился ниже, метнулъ нѣсколько шариковъ, и тамъ, гдѣ кипѣла бодрая жизнь, остались развалины и групы.

Но нѣтъ, несмотря на всѣ старанья, я не могъ представить себѣ эту картину. Чувства отказывались осмыслить то, что было такъ ясно и понятно разуму.

Берта пришла довольно поздно, нагруженная увѣсистымъ пакетомъ.

— Вотъ, — съ торжествомъ произнесла она, опуская пакетъ на полъ. — Тутъ винтовка и два револьвера съ запасомъ патроновъ. Я знаю, что это — ничтожное оружіе противъ воздушныхъ разбойниковъ, но пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ. А вдругъ намъ съ тобой и въ самомъ дѣлѣ удастся подстрѣлить бомбиста? Съ нашей террасы это такъ удобно! И пусть меня убьютъ, но я исполню свой долгъ до конца! Мы съ тобой не побѣжимъ, Фредъ, вѣдь нѣтъ? Мы останемся на посту — будь, что будетъ!

— Бѣжать? — тихо отозвался я. — Куда? Но мнѣ кажется, что ты, Берта, слишкомъ полагаешься на свои силы. Выдержатъ ли твои нервы, когда ты воочию увидишь то, что теперь ты только представляешь себѣ? Не забудь, что ни одно зданье въ городѣ не находится подъ такой угрозой, какъ нашъ домъ!

— Мои нервы! Опасность! — презрительно передразнила меня Берта. — Конечно вѣдь доблесть монополизирована вами, мужчинами! Ну, да ты увидишь... Но почему это нашъ домъ окажется въ такой опасности? Онъ расположенъ достаточно высоко, взрывъ насъ задѣть не можетъ, и не такіе они варвары, чтобы кинуть въ насъ бомбу умышленно, только изъ жадности разрушенія!

— Умышленно — нѣтъ. Но... ошибка, промахъ? Посмотри на гору. Если летчикъ дѣйствительно явится сюда, онъ направитъ тавныя усилія на желѣзнодорожный выходъ изъ тоннеля. Для этого ему придется жаться отъ горы, къ которой вплотную

прилегаютъ пути, то есть—приблизиться къ намъ. А нашъ домъ—какъ разъ противъ туннеля. Магнѣтнй дистанціонный просчетъ, и бомба попадетъ прямо въ насъ.

Я замѣтилъ, какъ сжалась вдругъ Берта при этихъ словахъ. Несмотря на сгушавшійся мракъ, я видѣлъ, что ея лицо сильно поблѣднѣло и глаза расширились. Подойдя ко мнѣ, Берта сказала:

— Отчасти ты... правъ... Пожалуй мы... въ опасности...—она задыхалась, ея голосъ дрожалъ, слова съ трудомъ сходили съ языка.—Конечно для меня это... пустяки, но если ты... боишься... Мы можемъ... убраться...

Я привлекъ Берту къ себѣ и отвѣтилъ:

— Тамъ, на буфетѣ, стоитъ мельхиоровый кофейникъ... Вспомни, вѣдь ты откладывала себѣ во все, чтобы купить вещь, которая не давала тебѣ покоя! А твой туалетный столикъ... Каждый стулъ, каждая кастрюлька, каждый гвоздикъ въ этомъ домѣ говорятъ о долгихъ годахъ труда и упорной бережливости, съ каждой мелочью связаны яркія воспоминанья... И вдругъ прплетитъ какой-то человекъ, который не знаетъ насъ и котораго мы не знаемъ. Не думая о насъ, онъ метнетъ небольшой шарикъ, и... Пусть мы уйдемъ, пусть мы уцѣлѣемъ! Но если въ этомъ домѣ все будетъ разрушено? Если погибнетъ нашъ очагъ? Начинать опять сначала? Я... не могу!

— Фредъ, —прошептала Берта, судорожно обвиваясь вокругъ моей шеи,—какъ ты думаешь, если я... если мы... начнемъ стрѣлять? Тогда онъ.. нарочно.. Что это?—крикнула она вдругъ отрываясь отъ меня.—Что это гудитъ? Это.. это..

— Да нѣтъ же, ничего не гудитъ, просто у тебя нервы напряжены.

Берта упала ко мнѣ на плечо и залилась слезами приговаривая:

— Ахъ, я такъ боюсь... такъ боюсь..

Ночь прошла въ тупомъ, напряженномъ ожиданіи.

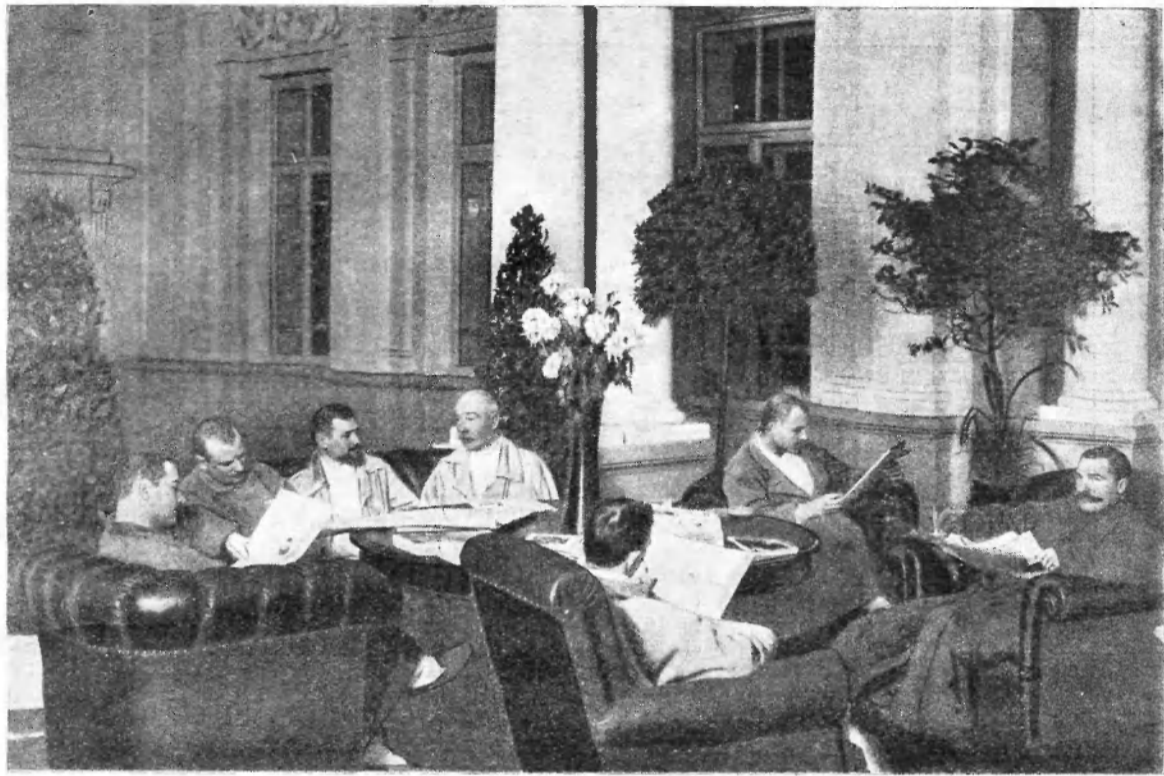
А едва забрезжили первые лучи разсвѣта, какъ откуда-то послышалось характерное жуужканье. Этотъ звукъ словно ударилъ спавшую Берту. Она вскочила, судорожно вцѣпилась обѣими руками въ распущенные волосы, метнула взглядъ обезумѣвшихъ глазъ къ небу, хотѣла крикнуть и не смогла. И вдругъ тяжело рухнула на полъ у Распятья..

Я досталъ бинокль, распахнулъ окно и сталъ вематриваться въ небо, на которомъ, быстро приближаясь, росла черненькая точка. Я оставался совершенно спокоенъ.

Точка росла, выравниваясь въ знакомыя очертанья. На виражахъ отъ аэроплана разбѣгались яркіе зайчики, и онъ казался гигант-

Индусскій патруль на развѣдкѣ.

Въ лазаретѣ.

скою бабочкой съ тѣльцемъ чешуйчатого золота. И не вѣрится, что эта красивая, легкая стрекоза служитъ смерти и разрушенно.

Оставаясь на громадной высотѣ, аэропланъ поравнялся со станціей и сталъ описывать надъ ней плавные круги. Со станціи затрещали беспорядочные выстрѣлы. Напрасно! Стрекоза покружилась и исчезла.

Я подошелъ къ Бергѣ и сказалъ:

— Голубка моя, это былъ развѣдочный... Онъ улетѣлъ, но... надо ждать другого...

Берта вцѣпилась въ меня и прохрипѣла:

— Ты говоришь: если онъ промахнется по станціи, бомба можетъ попасть въ нашу домъ... Но развѣ онъ непременно долженъ промахнуться?

А тамъ прилетѣлъ и другой, настоящій. Онъ былъ больше перваго, темнѣе, жужжалъ громче, держался ниже и двигался медленнѣе. Въ бинокль можно было разглядѣть, что у него висѣло что-то вродѣ груши.

Все ближе и ближе надвигалось на насъ его грузное тѣло, все жутче, зловѣщѣе, наглѣе гудѣлъ его моторъ. А сквозь это мнѣ слышалось лихорадочное бормоганье Берты:

— Господи! Сдѣлай такъ, чтобы онъ не промахнулся! Господи! Иисусе!

Но вотъ аэропланъ надвинулся совсемъ близко, словно повисъ надъ нами. Разъ, два, три... Одна за другой ринулись три черныя капли, три верева слились въ одинъ.

Жгучимъ вихремъ меня отбросило отъ окна, задребезжали осколки лопнувшихъ стеколъ, жалобно вскрикнула Берта. И наступила жуткая, томящая тишина, только слышалось самодовольное гудѣнье удалявшагося аэроплана. Я взглянулъ въ сторону станціи: столбъ дыма и огня застилалъ пути, тоннельное жерло и часть горы...

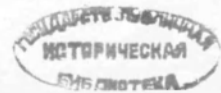
Берта медленно поднялась съ пола, оглянулась вокругъ, провела рукой по лбу и груди, словно не довѣряя, что и она сама и все вокругъ нея осталось цѣло...

Все тише и тише гудѣлъ удалявшійся аэропланъ...

Вдругъ, словно проснувшись отъ тяжелаго сна, Берта подбѣжала къ окну и, яростно потрясая кулаками въ сторону удалявшагося врага, бѣшено закричала:

— Проклятые! Проклятые!.. О, если бы я могла...

Евг. Мауринъ.

Объ искусствахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

Литература.

3-го ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ литературной дѣятельности А. И. Куприна. Какъ извѣстно, юбиларъ, находящися въ настоящее время на военной службѣ, уклонился отъ всякихъ чествований и выразилъ пожелание, чтобы его юбилей былъ ознаменованъ пожертвованиями на нужды войны.

Образовалось и утверждено «Общество Русскихъ Писателей» для помощи жертвамъ войны. Учредителями явились Ф. Батюшковъ, С. Венгеровъ, Н. Котляревскій и А. Кремлевъ. По уставу, дѣятельность общества распространяется на всю Россію, и въ провинціи могутъ быть открываемы отдѣленія общества. Общество открываетъ лазареты для раненыхъ, устраиваетъ литературныя собранія, лекціи и концерты, издаетъ свои труды въ пользу раненыхъ, организуетъ помощь семьямъ писателей, ушедшихъ на войну. На учредительномъ собраніи избраны члены совѣта, кромѣ учредителей, еще В. Богучарскій, Д. Овсянко-Куликовскій и А. Пѣшеховъ. Кромѣ того избраны еще двѣ комиссіи: редакціонно-издательская и художественно-артистическая.

Дѣятельность этихъ комиссій будетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ литературныхъ кругахъ общество встрѣчено большимъ сочувствіемъ. Конечно такое обезпечено ему и въ широкихъ кругахъ публики.

Выставки.

Съ большимъ успѣхомъ прошла выставка «Война и Печать», устроенная главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Интересны цифры, опубликованныя на выставкѣ. До 3-го декабря въ Россіи вышло до 270 лубочныхъ картинъ на военныя темы, 230 географическихъ картъ, около полутора тысячъ откры-

токъ, около 400 брошюръ и книгъ на тему войны, 200 портретовъ и около 100 гимновъ.

Всѣ коллекціи этой выставки передаются въ настоящее время въ Михайловскій манежъ, на выставку военныхъ трофеевъ, которая устраивается тамъ.

7-го декабря закрылась выставка «Искусство союзныхъ народовъ», на которой было много интересныхъ работъ старинныхъ мастеровъ, Рубенса, Гордана, Пуссена, Курбэ. Готовится къ печати подробный каталогъ этой выставки, снабжаемый снимками съ картинъ.

Комитетъ этой выставки подготовляетъ новую выставку картинъ славянскихъ художниковъ.

Въ залахъ Академіи Художествъ открыта выставка скульптуръ Н. С. Пименова (1812—1864). Унаслѣдовавъ отъ своего отца, знаменитаго въ свое время скульптора Степана Пименова, классическую традицію, Н. С. Пименовъ оживлялъ ее въ своихъ произведеніяхъ тактично примѣняемымъ реализмомъ. Это особенно чувствуется въ его бюстахъ, портретахъ. Достаточно сравнить бронзовый его бюстъ в. к. Маріи Николаевны съ ея же мраморной статуей, стоящей рядомъ, чтобы увидѣть, какъ умѣлъ Пименовъ-младшій безъ подчеркиванія передавать характерное въ человѣческомъ лицѣ. О томъ же свидѣлствуютъ портреты Росси, Лазарева и особенно статуя юноши 44-го года. Это—живая характеристика поэта пушкинской плеяды. Очень любопытны выставленные на этой же выставкѣ группы, которыя должны были украшать Николаевскій мостъ. Группы изображаютъ города: Кіевъ, Новгородъ, Петроградъ. Всего ихъ должно было быть семь. Любопытенъ и «Фонтанъ богатырей», который долженъ былъ стоять на Иверской площади въ Москвѣ. Какъ жаль, что все это осталось мечтами. Пименовъ достаточно былъ силенъ, чтобы украшать города, и въ его произведеніяхъ отлично отразилась эпоха Николая I.

Закрылась отчетная выставка Академіи Художествъ, съ поспѣшностью, нѣсколько необычной. О закрытіи жалѣть не приходится. Давно не было такого позорнаго отчета, какъ въ этомъ, юбилейномъ, году.

Наводка понтоннаго моста французскими саперами.

Упаковка рождественских подарков для действующей армии.

Евг. МАУРИНЪ. НЕНАСТОЯЩЕЕ.

(Александринский театр. „Сестры Кедровы“, пьеса Н. А. Григорьева-Истомина.)

Все было похоже на жизнь и все было ненастоящее в этом спектакле. Быть, юмор и гражданская скорбь только пытались представиться неподдельными, только моментами обманно приближались к художественной правде, но ею не были.

А ведь г. Григорьеву-Истомину нельзя отказать ни в даровании, ни в знании сцены. И, подчиняя свое творчество одним только внутренним импульсам, отдайся он созданию, как самоцель, мы получили бы, быть может, в „Сестрах Кедровых“ пьесу классического репертуара. Но из каждой фразы, из каждого положения пьесы г. Григорьева видно, что огненным столбом, влекшим автора в обтованную землю царства Талин и Мельпомены, служила жажда успеха, успеха „quand même“ — у какой бы то ни было, хотя бы самой невзыскательной публики. Актер сам, г. Григорьев больше думал об актерстве, чем о типе. Вот почему получилось обилие выпрыгивающих мест и расплывчатость характеристических черточек. Вот почему архитектура пьесы, загроможденной вставными номерами в виде тапцев, пьесы и мелодекламации, оказалась громоздкой, тяжелой и лишенной плавности общего абриса.

* * *

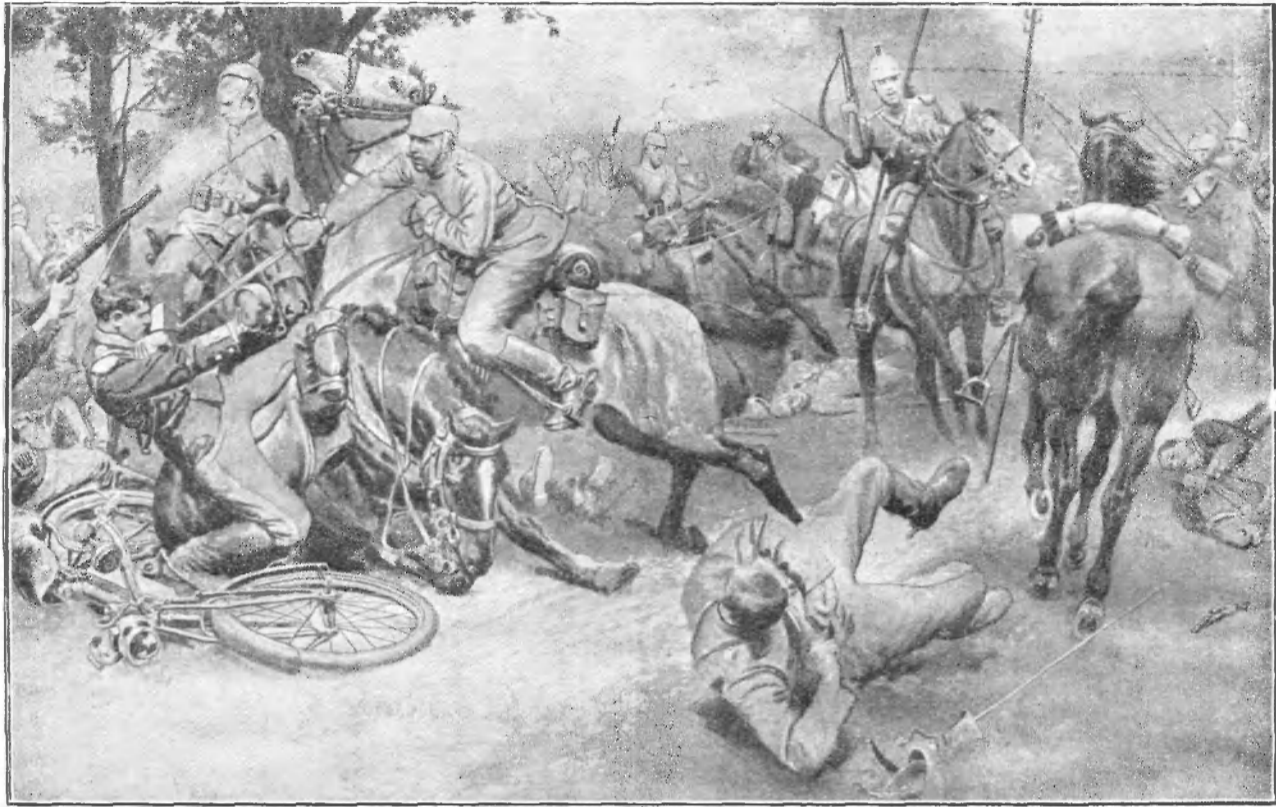
В пьесе прежде всего обращает на себя внимание архитектурное несоответствие главного мотива с привсту-

пающими. Пред зрителями проходит тяжелая драма вдовы Рославцевой, которая страстно любит своих детей, но не умеет проявить эту любовь так, чтобы она не стала навязчивой, тягостной, надоедливой. Дети бегут от материнской заботливости, и в день своих именин Рославцева остается одна со своими тяжелыми думами и тоской.

Тема конечно не новая, но интересная и богатая. Одно только приходит на ум: да при чем же в драме вдовы Рославцевой сестры Кедровы? То обстоятельство, что двое старших сыновей уходят от материнских именин на пирушку к сестрам Кедровым, отнюдь нужной связи не обеспечивает. Ведь остальные трое, хоть и не к Кедровым, а все-таки ушли?

Правда, попутно с драмой Рославцевой автор кидает несколько штришков, имеющих прямое касательство к главным героям. Но эти штришки несущественны и не необходимы для цельности действия. Если бы несколько фраз из тех двух актов, которые целиком посвящены Рославцевой, перенести в остальные два акта, то большая половина пьесы могла бы отпасть совершенно незамеченно. А между тем первый акт, служащий лишь введением в личную драму Рославцевой, тянется чуть ли не целый час! И все-таки пьеса называется „Сестры Кедровы“!

* * *

Навалерійскій бой въ Бельгїи. Рисунокъ Ф. Матанья.

Что же такое—сами сестры Кедровы?

По социальному положенію онѣ—портнихи, прїѣхавшія изъ Москвы на заработки въ провинцію. Но работой онѣ очень мало интересуются, а ихъ главное занятіе—отбивать у мѣстной аристократіи интересныхъ кавалеровъ.

Уже изъ этого видно, на какой лжи противъ быта построена пьеса. Вѣдь, возстановившая противъ себя именно тѣхъ, кто являются единственными работодателями, сестры сознательно идутъ противъ цѣли своего прїѣзда въ городъ. И, разъ онѣ дѣлаютъ все, чтобы работы не получить, не естественно ли, что ни обыватели, ни „власть предержащая“ честности поведенія сестрицъ не вѣрятъ?

Вотъ почему зритель не видитъ никакой трагедіи въ томъ, что молодежь старается соблазнить сестрицъ, а полиція вызываетъ ихъ въ участокъ—какъ можно догадаться, на предметъ освидѣтельствованія. Конечно прїятнаго въ этомъ мало. Но упасть зимой въ прорубь тоже неприятно, однако, если оно явилось слѣдствіемъ легкомысленной шаловливости у края проруби,—никому трагедіей не представится.

Къ чему же въ такомъ случаѣ сводится суть пьесы? Къ утвержденію, что, занимаясь вмѣсто работы флиртомъ, дѣвушки могутъ попасть въ подозрѣніе у полиціи?

Но неужели ради подобной „истины ла Палисса“ стоило писать пьесу въ четырехъ дѣйствіяхъ?

* * *

Какъ поддѣленъ быть у автора, такъ поддѣльна и его обличительность.

Авторъ хочетъ заставить зрителя повѣрить, что сестры Кедровы пострадали отъ изменности инстинктовъ провинціального обывателя и безчестности власти. Для этого онъ

подстраниваетъ такъ, будто приставъ Демьяновъ ставитъ сестеръ подъ угрозу желтаго билета изъ личныхъ цѣлей.

Но взглянемъ на дѣло проще, откинемъ гражданственныя ходунки. Хорошо это или плохо, но въ Россіи закономъ установлена регламентація, и полиціи вмѣняется въ обязанность опредѣленный надзоръ въ этой области. Поэтому важно не то, какими внутренними мотивами руководился Демьяновъ, а имѣлъ ли онъ основаніе на совершеніе опредѣленныхъ дѣйствій. Изъ пьесы видно, что обстановка жизни сестеръ Кедровыхъ должна была вызвать несомнѣнныя подозрѣнія въ честности ихъ поведенія. При такихъ обстоятельствахъ поступокъ пристава Демьянова—только исполненіе служебной обязанности. При чемъ же здѣсь гражданская скорбь?

Съ подобной же „гражданственностью“ трактованы типы молодежи, вращающейся вокругъ сестеръ. Тутъ студенты (одинъ благороднѣе другого!), семинаристъ (конечно горькинцянца!), купцы (доставлены прямымъ сообщеніемъ изъ Островскаго) и юнкеръ съ лиценстомъ-катковцемъ. Последніе „конечно“—пошляки и развратники. Почему? Потому что къ дѣвушкамъ сомнительнаго поведенія они относятся узко-физиологически?

Если авторъ задался цѣлью сказать, что относиться къ женщинамъ грубо-физически нехорошо, я съ нимъ спорить не стану. Но развѣ для такого отношенія необходимо быть непременно юнкеромъ или катковцемъ? Но автору это необходимо, потому что его творчество исходитъ не изъ внутреннихъ, а изъ вѣншихъ импульсовъ. Обличительность въ модѣ и можетъ обезпечить успѣхъ у невзыскательной публики.

Но... приставъ, купчикъ, юнкеръ, лиценстъ... Какое мелкое, мѣщански-обывательское, захватанное обличеніе!

Евг. Мауринъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Д. Философовъ. «Крикуны и молчальники» (статья).—О. Сологубъ. «Три лампы» (военный рассказ).—Ж. Бономъ. «Съ западнаго фронта (письма офицера)».—Д. Цензоръ. «Стансы о войнѣ» (стихотворене).—Евг. Мауринъ. «Очагъ» (военный рассказ).—Евг. Мауринъ. «Ненасоящее» (крит. статья). **ИЛЛЮСТРАЦИИ:** «Отрядъ цейлонскихъ плантаторовъ добровольцевъ». — «На помощь британско-госпитальному судну». — «Солдаты-французы дѣлятся пайкомъ съ дѣтьми разоренныхъ нѣмцами деревень».—А. П. Эйсснеръ. «На поворотѣ горной рѣки».—Его же. «Подвозъ провiantа пластунами на р. Чорохъ». — «Раненые туркмены за игрой въ шашки». — «Женская полиция въ Лондонѣ». — «Въ морозный день». — «Японская артиллерія». — «Черновицы». — «Соборъ Парижской Богоматери». — «Спяй на дозорѣ». — «Сборъ въ Ваку». — «Индусскій патруль на развѣдкѣ». — «Въ офицерскомъ лазаретѣ». — «Наводка понтоннаго моста французскими саперами». — «Упаковка рождественскихъ подарковъ для дѣйствующей арміи». — «Задержанные въ Берлинѣ въ качествѣ военнопленныхъ русскіе въ ожиданіи обѣда».

ПОРТНЫМЪ высыл. бесплатно **ОБРАЗОВАНИЕ** какъ улучшить свое искусство. Укажите Вашъ адресъ и адреса своихъ знакомыхъ. Адресъ: **ПОСРЕДНИКЪ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ**, гор. Рига. 752.

КАРТИНЫ - ОЛЕОГРАФИИ по оригиналамъ известныхъ художниковъ. Каталогъ бесплатно высылаетъ Анционери. Общ. Издательства А. А. КАСПАРИ. ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., д. 114.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЛОВАРЬ-ТОЛКОВАТЕЛЬ составл. нѣсколькими филологами и педагогами по известнымъ словарямъ: Далия, Манарова, Павловскаго, Гейзе, Бронгауза, Березина, Гильдебрандта и многихъ другихъ. Въ этомъ компактномъ изданіи А. А. Каспари (3408 столбцовъ) каждый, кому необходимо навести справку о какомъ либо понятіи или словѣ, найдетъ толковое объясненіе съ историческими справками и проч. С.-Петербургъ. Цѣна за оба тома въ пересл. и съ перес. 3 рубля. Трѣбованія адресовать Анционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. 20.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ
Ежемесячный критико-библиографическій журналъ
„Что и какъ читать дѣтямъ“
ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.
Организованный на чисто коллегіальныхъ началахъ журналъ „Что и какъ читать дѣтямъ“ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать болѣе сознательному выбору дѣтской книги со стороны семьи и школы. Въ журналѣ помѣщаются также руководящія статьи по отдѣльнымъ общимъ и частнымъ вопросамъ дѣтскаго чтенія.
Въ составѣ редакціи журнала входятъ: Н. А. Бекетова, Алексѣй Елачичъ, Е. А. Елачичъ, А. А. Климонтовичъ, В. А. Коротнева, З. П. Павлова-Сильванская, В. И. Рихтеръ.
Годовая подписная цѣна 2 руб. съ доставкой, за границу—2 руб. 50 коп. Въ отд. продажъ цѣна номера 20 коп.
Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Геслеровскіи пер., 29.
Издательн. Н. А. Бекетова. Трѣб. подробн. программу. Ред. Е. А. Елачичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г. (5-й г. изд.)
на двухнедѣльный библиографическій журналъ
„ИЗВѢСТІЯ“
Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“.
Программа „Извѣстия“: списки нов. изданій книжн. склада „Право“. Систематическій указатель нов. книгъ по вопросамъ правовѣдѣнія и общественнаго права. Библиографія. Новости юридическаго книжнаго рынка. Перечень журналовъ, статей по юридическимъ вопросамъ. Отзывы печати о юридическомъ трудѣ. Перечень книгъ, поступившихъ въ редакцію. Объявленія.
Подписная цѣна: 1 годъ—1 руб., 1/2 года—50 коп., съ доставкой и пересылкой.
Адресъ главной конторы „ИЗВѢСТІЙ“ — Юридич. книжный складъ „Право“, Петроградъ, Литейный просп., 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на издающійся въ Петроградѣ ежемѣсячный популярно-научный журналъ
ГЕРМЕТИЧЕСКИХЪ (ТАЙНЫХЪ) НАУКЪ
„ИЗИДА“
(6-й годъ изданія).
Периодическое ежемѣсячное издание, посвященное всестороннему теоретическому и въ особенности практическому изученію тайныхъ наукъ, хаковы: Алхимія, Астрология, Герметическая Медицина, Герметическая Философія, Набала, Магія, Психургия (то есть: Гипнотизмъ, Магнетизмъ, Спиритизмъ, Телепатія, Факиризмъ) и Теургия.
Подписная цѣна журнала съ 1 октября, съ пересылкой и доставкой, на годъ—4 р. (за границу—5 р.), на 6 м.—2 р., на 3 м.—1 р. 10 к. Цѣна отдѣльн. номера съ перес. 40 к. Пробные номера высылаются за двѣ 7-ми коп. почт. маркіи.
Подписка принимается въ редакціи: ПТГ., 9 рота, Изм. полкъ, д. 17. Трѣбуйте подробную программу.

Открыта Подписка на 1915 г. (37-й годъ) изданія
на еженедѣльн. художественно-литературный семейный **ЖУРНАЛЪ**

„РОДИНА“

ОБИЛИЕ И РАЗНООБРАЗІЕ материала для чтенія и иллюстрацій.
УЧАСТІЕ ВЫДАЮЩИХСЯ русскихъ писателей и художниковъ.
Въ 1915 г. подписчикъ получаетъ:

52 №№ ИЛЛ. ЖУРНАЛА „РОДИНА“ съ повѣст., разск., стих. выдающ. писат. и многими картинками и рисунками.	52 №№ ИЛЛ. „ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ событій текущей жизни въ рисун. и описан.	12 КАРТИНЪ цвѣтными красками по интереснымъ оригиналамъ.
80 КНИГЪ (8000 стр.) собранія В. ТИХОНОВА выдающаго современн. беллетриста и драматурга, известнаго всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 80 романовъ и проч.	52 №№ ИЛЛ. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“ юморист. разск., каррикатуры, игры, забавы.	40 ФОТОГРАВИОРЪ съ картинъ выдающ. художн. на вкладн. листахъ мѣловой бумаги.
12 КНИГЪ иллюстр. СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ (не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ военные и военно-историч. романы В. В. Манжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Маурина, а также соврем. бытов. и историч. романы И. Н. Потапенко, ин. М. Н. Волконскаго, В. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.).	26 КНИГЪ собранія В. ТИХОНОВА выдающаго современн. беллетриста и драматурга, известнаго всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 80 романовъ и проч.	40 ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ: 12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ съ рисунками. 12 №№ Новѣйшая МОДЫ (600 рисун.). 12 №№ лист. выкроекъ. 12 №№ лист. рисунковъ разныхъ любительскихъ работъ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ на 1915 г. въ краскахъ.
18 КНИГЪ историческ. романовъ и повѣстей Н. СЕВЕРИНА высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни Россіи и Польши.	24 КНИГИ „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (до 500 разск., интерес. стат.)	2 КАРТИНЫ БОЛЬШАЯ ПРЕМИЯ: 1) „Шалости Амура“, 2) „Подъ солнцемъ юга“. Художественно воспроизведенныя многими цвѣтными красками обѣ эти очаровательн. картины будутъ даны подписч., которые до 15-го апрѣля 1915 г. внесутъ ГODOVУЮ ПЛАТУ .
7 р. Безъ доставки въ Москвѣ	7 р. 50 к. Съ германск. посылк. по Россіи	8 р. РАЗСРОЧКА 3 первый взносъ

Подписка въ Анц. О-вѣ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, д. 114, и Садовая, 20.

ВЪ ЗА ДОПЛАТУ ДВАХЪ РУБЛЕЙ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ
20 **КНИГЪ** со- **А. Д. АПРАКСИНА**
36 романовъ, повѣстей и разск., преимущественно изъ эпоса и легендъ древней Руси.
Подписная цѣна „Родины“ со всеми приложениями и 100 книгъ А. Д. Апраксина.
За годъ безъ доставки 9 р. 50 к. Съ доставкой по Россіи 10 р. 50 к. **РАЗСРОЧКА 4** р.

Открыта подписка на 1915 г. на военный, веселый, злободневный еженедельный журнал СЪ КАРРИКАТУРАМИ ВЪ КРАСКАХЪ

„ЗАБІЯКА“

Премии, обещаны подписч. 1914 г. разсыл. въ декабрь всѣ сразу.

Журналъ ЗДОРОВАГО смѣха. У лысыхъ послѣ чтенія „ЗАБІЯКИ“ вырастаютъ кудри. Грустные хохочутъ до истерики. Вѣдники женятся на миллионершахъ, и всѣ выигрываютъ по 200.000 улыбокъ.

50 №№ въ краскахъ за 1915 г. съ разсказами Стаси-Раши, антимониями и гармониями.

100 ПРЕМИЙ ШУТОКЪ

Исчезн. цепелина.	Военные трюки.	Гдѣ Вильгельмъ.
Свинья въ каскѣ.	Нѣмецкія карты.	Хабибула.
Танц. Бисмарка.	Фьютти-вьютти.	Волшебные усы.
Швабы и арабы.	Кляксы-плаксы.	Виръ Галле.
Письмо съ трескомъ.	Кто больше.	Турецк. ишакъ.

70 ТРЮКОВЪ забавн. 15 КАРРИКАТУРЪ въ альбомѣ безъ подраж. вѣ альбомѣ безъ кожи.

Въ 1914 г. въ „ЗАБІЯКЪ“ участв. знамен. русск. клоунъ и любимецъ публики АНАТОЛИ ДУРОВЪ. Пробн. № у любого газетч. въ Москвѣ и провинц. 5 коп. Подписн. цѣна: 1 г.—2 р. 95 к., 1/2 г.—1 р. 85 коп. Лица, добавл. еще 60 к., получ. БОЛЬШУЮ ДВИЖУЩ. ПАНОРАМУ ВОЙНЫ, 10 интересн. премій и КАБАРЕ каррикатуръ. Адресъ: Москва, Тверская, 62, отд. № 108, въ главн. к-ру журнала „ВЕСЕЛАЯ ЗАБІЯКА“

Открыта подписка на 1915 г. (51-й г. изд.) на журналъ

ВѢСТНИКЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ СУДЕБНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

Въ 1915 г. журналъ будетъ издаваться ежемѣсячными книжкамъ по прежней программѣ. Предпочтене будетъ отдаваться, какъ и прежде, статьямъ и сообщеніямъ по гигиенѣ и особенно касающимся вопросовъ оздоровленія Россіи, а также статьямъ по общественной и судебной медицинѣ.

Подписная цѣна 7 руб. 50 коп., для выписывающихъ журналъ черезъ редакцію—7 руб. въ годъ, за границу—8 р. 50 к. Подписка принимается только на цѣлый годъ.

Условия разсрочки: 1. Врачи, получающіе содержание по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, при желаніи пользуются разсрочкою подписной платы съ уплатою по 60 к. ежемѣсячно (въ декабрь 40 к.). При условии заявленія редакціи не позднее 1 декабря 1914 года о желаніи воспользоваться такою разсрочкою. 2. Всѣ остальные подписчики — при подпискѣ 3 руб., 1-го апрѣля, 1-го июля—по 2 руб.

Денежныя отправления адресовать: Петроградъ, Театральная ул., 3. Редакція журнала „Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической медицинъ“.

Редакція проситъ о желаніи получать журналъ уведомлять непосредственно ее и подписной платы въ казначейства не вносить.

Редакторъ М. С. Уваровъ.

VII годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 ГОДЪ. VII годъ.

„РУССКІЙ МЕЛЬНИКЪ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ мукомольнаго и крупянаго производства сельскохозяйственной технологии, зерновѣдѣнія и хлѣбной торговли.

Программа „РУССНАГО МЕЛЬНИКА“:

- 1) Мельничное машиностроеніе.
- 2) Постройка мельницъ, зернохранилищъ и зерносушилокъ.
- 3) Исслѣдованіе процессовъ помола.
- 4) Микроскопическіи и химическіи анализы муки.
- 5) Обзоръ специальныхъ журналовъ по мукомольному производству.
- 6) Вопросы экономической организаціи мукомольнаго производства въ Россіи.
- 7) Статистико-экономическія исслѣдованія мукомольной промышленности всего міра.
- 8) Специальныя корреспонденціи.
- 9) Хроника мукомольной промышленности и библиографическія замѣтки.
- 10) Правительственныя распоряженія.

Редакторъ-издатель: Инженеръ П. А. Козьминъ.

Редакція журнала даѣтъ своимъ читателямъ обстоятельныя отвѣты по всѣмъ отдѣламъ техники. За 6 лѣтъ изданія дано до 7500 отвѣтовъ.

Условия подписки на „Русскій Мельникъ“:

Въ РОССІИ: на 1 годъ съ доставк. и пересылк.—5 руб., полгода—2 р. 50 к., четверть года—1 р. 25 к. ЗА ГРАНИЦУ: на 1 годъ съ доставк. и пересылкой—10 руб., полгода—6 руб.

Пробный № высылается наложеннымъ платежемъ въ 1 руб. Лицамъ, выпис. пробн. номеръ, присланн. деньги засчит. въ подписн. плату. Редакція и контора „Русскаго Мельника“: Петроградъ, Рыбачья, 10. Тел. 196—34. Тѣбѣйте подробные проспекты.

ПРИ ГОНОРРЕѢ, ПЕРЕЛОѢ, въ острой и хронической формѣ, примѣняется средство (для внутрени. употребл.)

„ТІЭЛЕРИНЪ“

доктора медицины ГИЕНСКОГО ГОРОХОВСКОЙ.

Цѣна ordinarily флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойного 3 р. безъ пересылки. Для желающихъ обращаться лично—прѣмъ отъ 3 до 6 час. вѣч. Подробное наставленіе при флаконѣ. Отпускается также изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Адресъ: Дру медицина женевскаго университета З. М. Гороховской, Москва, Срѣтенка, Давы пер., д. № 128, кв. № 2/5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАНЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРЕСАМЪ ЕВРЕЙСТВА

VI ГОДЪ „НОВЫЙ ВОСХОДЪ“ VI ГОДЪ

ИЗДА-НІЯ ИЗДА-НІЯ

„Новый Восходъ“ попрежнему считаетъ основною своею задачею: объединеніе и организацію всѣхъ элементовъ русскаго еврейства на почвѣ общей борьбы за гражданское и національное равноправіе. И въ настоящій исключительной важности, историческій моментъ „Новый Восходъ“ считаетъ себя обязаннымъ приложить всѣ силы къ выполнению основной своей задачи во всѣхъ намѣченныхъ выше направленіяхъ. Грандиозная война и то вліяніе, какое она можетъ оказать на судьбы нашего народа, побуждаетъ насъ удѣлить этому мировому событію особое вниманіе. По тѣмъ же мотивамъ мы нашли нужнымъ посвятить мировой войнѣ, участію въ ней евреевъ и значенію ея для еврейства, особую книгу ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

„МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕВРЕИ“

въ которой будетъ всесторонне освѣщены: дѣятельность евреевъ—воиновъ, врачей, санитаровъ и пр. участие въ войнѣ мирнаго населенія, а также—вопросы, связанныя съ политическими и экономическими послѣдствіями войны для еврейства. Книга эта, въ размѣрѣ 10—12 листовъ большого формата, будетъ богато иллюстрирована портретами отличившихся евреевъ—воиновъ, врачей, снимками съ еврейскихъ поселеній, бывшихъ пѣхотромъ воинныхъ дѣйстви, съ сооруженныхъ евреями лазаретовъ, пѣхотныхъ пунктовъ, приютовъ и т. п.

Книгу «Мировая война и евреи» подписчики, внесше годовую плату полностью, получаютъ бесплатно.

Въ отдѣльн. прозаку книга поступ. въ концѣ 1915 г., по цѣнѣ 2 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ РОССІИ: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к. За ГРАНИЦУ: на годъ—6 р. 50 к., на полг.—3 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к. На покрытие расходовъ по экспедиціи и пересылкѣ бесплатнаго приложения въ „Новомъ Восходѣ“ подписчики при подпискѣ 50 коп.

Въ „Новомъ Восходѣ“ подписчики попрежнему найдутъ юридическія совѣты и указанія по вопросамъ законодательства о евреяхъ. Руководятели этимъ отдѣломъ Л. М. Айзенбергъ и Г. В. Слозбергъ.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Ичрочная, 23, кв. 28. Пробный № высылается по первому требованію бесплатно.

Открыта подписка на 1915 годъ на еженедельный журналъ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ Петроградѣ съ 1 июля 1912 г.

Задачею журнала служить безпристрастное, правдивое, научно-обоснованное и чуждое партійной односторонности освѣщеніе вопросовъ современной церковно-общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. К. М. Аггеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, А. Н. Брянчаниновъ, проф. Н. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, проф. А. В. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, А. А. Палковъ, В. П. Соколовъ, чл. Г. Д. И. В. Уитовъ, проф. П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. В. И. Экземлярскій и др.

Годовые подписчики журнала „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ получаютъ въ 1915 году (въ Январѣ) въ качествѣ бесплатнаго приложения изд. въ 1914 году кн. Г. А. Василевскаго „Баттизмъ и свобода воли“. Природа церкви. Основы баттизма. Догматы. Культа.

Проповѣдническое Слово,

которое издается ближайшимъ сотрудникомъ журнала „Ц.-О. В.“ В. П. Соколовымъ при участіи свящ. К. Аггеева.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., на 1/2 г.—2 р., на 3 мѣс.—1 р. 25 к., на мѣс.—65 к. съ доставкой и пересылкой. Цѣна №-а въ прод.—10 к., съ пересылкой—15 к.

Подписная цѣна на „Проповѣд. Слово“—2 р. въ годъ, а подписн. цѣна на „Ц.-О. В.“ и „Проп. Слово“ вмѣстѣ—5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—Петроградъ, Вас. Остр. Больш. пр., 56, кв. 62, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ имперіи.

Контора журналовъ открыта ежеднев., кромѣ праздн. дней, отъ 11 до 4 ч. дня. Иногородн. просятъ адрес. всю корреспонд. по адр.: Птгр., В. О., Бол. пр., 56, кв. 62. Пробный № журн. „Ц.-О. В.“ высылается бесплатно по сообщенію адреса. Редакторъ-издатель А. Н. Брянчаниновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (3-й г. издан.)

на единств. въ Россіи ЕВРЕЙСКІЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ на русск. яз., издающ. подъ редакціей И. М. КОЛОСЬЯ Осиповича и при участ. выдающ. писател. и педагог.

„Колосья“ ставятъ себѣ задачей укрѣпить въ подростающемъ поколѣніи любовь къ еврейству и къ его свѣтлымъ заветамъ.

„Колосья“ знакомятъ еврейскихъ дѣтей съ жизнью и исторіей роднаго народа, съ жизнью и исторіей человѣчества и съ окружающимъ насъ міромъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячными книжками большого формата, болѣе 100 страницъ въ каждой, съ многочисленными иллюстраціями.

Богато иллюстрированное приложение для маленькихъ дѣтей 6—7 лѣтъ.

Въ качествѣ приложения годовые подписчики получаютъ двѣ большія историческія повѣсти: „Въ осажденномъ ерусалимѣ“ и „На берегахъ Нила“, а также—„Пантеонъ знаменитыхъ евреевъ“, съ иллюстраціями. Всѣ приложения будутъ печататься по особой номераци съ первой же книжки журнала.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р., на 1/2 года—3 р., на 3 мѣс.—1 р., 50 к. на 1 мѣс.—50 к.

Допуск. разсрочка платежа: при подпискѣ—2 р., 1 мая—2 р. и 1 окт.—1 р.

Подписка приним.: Одесса, Ремесленная, 14, контора журн. „Колосья“

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ. Ред.-изд. М. Л. Беръ